

ГЛАВА III

КУЛЬТЫ БОЖЕСТВ ОБЩЕАРМЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАНТЕОНА

Завершающий этап в длительном процессе формирования армянского этноса был ознаменован образованием древнеармянского государства, являющего собой «уже не государство древневосточного типа, этнически пестрое и удерживаемое лишь военной силой, а государство нового типа, основанное на идущих к сближению и слиянию этнических элементах и оказавшееся несравнимо более жизнеспособным»¹. Постепенная арменизация разнородного населения Армянского нагорья привела к слиянию разнородных этно-лингвистических групп в единую этническую общность типа народа, конкретнее — народа рабовладельческой формации. К VI в. до н. э. были налицо все элементы, которые характеризуют подобную этническую общность: наличие общей территории, языка, культуры и государственности. В 520 г. до н. э. в знаменитой Бехистунской надписи царя Дария I (522—486), вместо Урарту фигурирует уже армянское государство Арминя, которое греки именовали Арменией². Судя по ряду данных, Армянское царство вышло на историческую арену еще на рубеже VII—VI вв. до н. э. и вскоре выступило уже союзником возвышавшейся к тому времени Мидии. Впоследствии могущественная Мидийская держава сменилась Ахеменидским Ираном, а Армянское царство в то время простиралось по всей территории бывшего Бианили.

В дальнейшем продолжается распространение армянской этнической общности по всей территории Армянского нагорья — от Малой до Великой Армении.

Если в Урарту объединение территории осуществлялось преимущественно благодаря военной силе, в результате чего образовалось государство древневосточного типа, население которого из-за своей этнической разнородности так и не сложилось в единый народ, то в Армении, «наряду с неизбежным военным фактором, действовал еще более сильный нарообразующий фактор — стремление населения обширной территории к объ-

единению и консолидации»³. Предпосылками возникновения этого фактора были прежде всего внутреннее развитие этнических групп и союзов, приводившее к необходимости наладить тесные взаимные связи, и цивилизующая сила урартского владычества, продвигавшая население по пути экономического и культурного прогресса.

Воцарившись после Еравандуни-Оронтидов Арташесиды не только упрочили власть местных правителей в Великой Армении, но и, встав на путь внешних завоеваний, создали большое и могучее государство. «Страбон, говоря о завоеваниях армянского царя Арташеса I (189—161), отмечает, что в его время все население объединенного армянского государства было одноязычным — *ομογλωττοίς* (XI, 14, 5), что указывает на завершение этногонических и глоттогонических процессов, приведших к окончательному формированию армянского народа»⁴. При Тигране Великом (95—55) Армения превратилась в одну из самых грозных держав того времени и охватывала значительную часть древней Передней Азии: от Средиземного до Каспийского моря и от Большого Кавказа до Месопотамии, включая также равнинную и горную Киликию⁵.

Еще в начале VI в. до н. э. образование древнеармянского объединенного царства повлекло за собой все возрастающую необходимость централизации государственной власти, своеобразным проявлением чего стала централизация культа, приведшая к сложению общеармянского пантеона с определенной иерархией культов различных божеств. В эллинистическую эпоху божества общеармянского государственного пантеона отождествлялись и сопоставлялись с античными богами, а в дальнейшем — после официального принятия в 301 г. христианства в Армении — многие образы древнеармянских божеств и мифологических персонажей продолжали свое трансформированное существова-

ние в образах библейских героев и христианских святых.

В арменоведении изучение общеармянского государственного пантеона имеет давние традиции. Усилиями многих исследователей как прошлого, так и современности (Г. Алишан, М. Эмин, Е. Лалаян, Х. Самвелян, М. Абебян, Г. Капанцян, Н. Адонц, Р. Ачарян, Б. Аракелян, К. Мелик-Пашаян, В. Бдоян, С. Арутюнян и др.) в основных чертах определен сонм главных и второстепенных божеств пантеона, с выявлением их доминантных функций. Все же проблема генетического, типологического и функционально-семантического анализа входящих в пантеон божеств по сей день нуждается в целостном, комплексном изучении, на чем и акцентировано наше внимание.

История религий и мифологий классического Востока, сравнительно хорошо изученная, дает возможность установить, что начало объединения культов общегосударственных богов в единый пантеон намечается еще до образования того или иного государства. Это можно проследить на примере Египта и Месопотамии, Ирана и Индии, Греции и Рима, на примерах многих других цивилизаций древности⁶. Однако многие из древнейших божеств в государственном пантеоне выступают уже под другими названиями и с культовыми назначениями, не всегда совпадающими с их древнейшими функциями.

Корни культов божеств государственного общеармянского пантеона тоже уходят в догосударственную эпоху и связаны с культурами различных этнических групп—компонентов армянского народа—генетически и исторически. Изменения в государственном культе у армян были результатом исторического и социокультурного развития древнеармянского этноса, сопровождаемого формированием идеологических и религиозно-мифологических воззрений, породивших общеармянский пантеон.

1. *Культы верховных божеств.* В армянском политеистическом комплексе особенно выделяются культы верховных божеств—Арамазда и Анаит, которые не только отличались пышностью культовых церемониалов и широкой распространенностью мест почитания, но и характеризовались наиболее разработанной системой религиозно-мифологических представлений.

Арамазд—отец всех богов и богинь, творец неба и земли, великий громовержец, создатель изобилия, олицетворял доброе начало мироздания, руководил всеми богами в небесах и людьми на земле. По своим функциям, как видим, он является аналогом вранского Халди, персидского Ахурамазды, индийского Индры, греческого Зевса, рим-

ского Юпитера, грузинского Армази и других верховных богов пантеонов древности.

Об Арамазде сохранились многократные упоминания в «Истории» Агатангехоса: верховный бог чтился как «великий, храбрый и мужественный», создатель неба и земли», «бог плодородия и изобилия». — арм. «մեծն և արի», «արարիչն երկնի և երկրի», «խոյնիսն պարարտիսն լարոյն կրամազդար»: Приводятся также сведения о местах отправления его культа. Именно из «Истории» Агатангехоса мы узнаем, что главный храм „огня“ всех богов“ Арамазда был расположен в Анникмахе (Անի-Բարձր Հայք—Высокая Армения), где находилась усыпальница армянских царей— Аршакидов: «... կրթեալ ճասանէր լամուր տեղին անտանեալ Անի, ի թագաւորարանակ կալեանն ճանգասացոյ գերեզմանաց թագաւորացն հարց: Եւ անդ կործանեցին գրադինն Ջևս գիցն Արամազդար, հօրն անտանեալ գիցն ամենայնը»⁷. Согласно Мовсесу Хоренаци, сын царя Арташеса II (30—20 гг. до н. э.)— Мажан—был назначен „главным жрецом бога Арамазда в Ани“⁸: «... և զՄաժան կարգէ քրմապետ ի լԱնի գիցն Արամազդար»⁹.

Нахождение пантеона армянских царей у главного храма Арамазда, а также назначение главного жреца из царских особ, видимо, обусловлены тем, что с культом верховного божества связывался культ умерших царей. У Хоренаци есть отрывок, описывающий пышные похороны царя Арташеса—на золотом одре, с короной на голове, с пышным оружием у ног. «Գագաղքն էին... ոսկեղէնք, զա՛ռլքն և անկողինք բեհեզեալ, և պատմունքն որ զմարմնոնն՝ ոսկեթել, թագ կարեալ ի գլուխն, և զէնն ոսկեով առաջի եղեալ, և զզալ նոյնք շուրջ՝ որդիքն և բազմութիւն ազգակուսացն, և առ ախտքիք պաշտօնէիցն զինուորութիւնք, և նահապետք և նախարարութեանցն զունդք և միանդաման զօրակուսացն վաշտք, ամենեքին կազմեալ զինու հանդերձ, իւր թէ ի պատերազմ ճակատիցին. և առաջի պղնձիս հարկանելով փողս, և զինի կուսանուք ձայնարկուք սեպղեպար և աշխատող կանախք և զհետ՝ բազմութիւն ոամկին, և պապէս տարեալ թագիցին: Եւ շուրջ զգերեզմանան լինէին մահունք, որպէս զիրազոյնն ասացար: Եւ սորա ախտէս սիրելի եղեաւ աշխարհիս մերոյ, թագաւորեալ ամն քառասուն և միս: —Одр был золотой, ложе и постель— из виссона, одежда на нем— златотканная, корона на голове, перед ним лежало золотое оружие; сыновья и многочис-

ленные сродники окружали одр; за сими—
воинские пачальники, родопачальники, сонм
нахараров и полки воинов, вооруженных,
как бы на войну идущие; впереди трубили,
в медные трубы, сзади шли рыдающие девы,
облеченные в траур плакальщицы, и за ними
толпа простоявших. — Таковы были погребальное шествие и похороны Арташеса. Вокруг его могилы совершалось много добровольных смертей, как мы сказали выше. Так умер этот царь, любимый нашей страной после двадцати одного года царствования»⁹
Это описание и ряд других данных из источников, в том числе и археологических, дает основание специалистам полагать, что в древней Армении существовала традиция обожествления царей, царских предков и целых династий¹⁰.

Как свидетельствуют письменные источники раннего средневековья, храм в Ани был разрушен в конце III в. н. э. во время распространения христианства в Армении, когда «языческие храмы низвергались и на их местах воздвигались церкви—святые места новой веры: «Եւ անդ Կանգնեալ զտէրունական ներշանն, և զաւանն ամրակնանն հանդերձ ի ծառայութիւն նորոգեցուին նորրէին»¹¹.

В различных областях дохристианской Армении были воздвигнуты другие храмы, капища и святилища бога Арамазда, в которых совершались массовые или отдельные культовые действия. Из них достойны упоминания «Дом Арамазда и Астхик» (последняя считалась дочерью Арамазда, богиней любви и красоты), расположенный на горе Пашат (область Васпуракан)¹², храм Арамазда в селении Багаван провинции Баграванд (область Айратат): «...զհորն որմզդական, որ ի վերայ բազմին, որ ի Բագուան, անշէջ հրամայէ լուցանել»¹³, — пишет Хоренаци о царе Арташире¹⁴.

На основании изучения дошедших до нас преданий и целого ряда исторических источников можно заключить, что праздник, посвященный богу Арамазду, отмечался во время Навасарда—Нового года по древнеармянскому календарю. Первый день праздника, согласно преданию, отмечался царской охотой, о которой на смертном одре с любовью вспоминает царь Арташес—о том, как трубили трубы и гремели барабаны во время скачек за оленями и ланями:

«Ո՛ր տար ինձ զօտիս ծիսանի,
Եւ զառաւօտն Նասասարդի.
Զվաղելն և զանց
Եւ զգարգելն եղջերակաց
Մեր փող հարակաց»

Եւ թորի հարկանէաց,
Որպէս օրէն է թագաւորացն»¹⁵,

Из обрядов и обычаев, совершавшихся в навасардские празднества, посвященные богу Арамазду, следует отметить жертвоприношения различными видами скота и злаками (ср. египетского Осириса). В жертву приносились быки и бараны, козлы (ср. урартского Халди), коны, преимущественно белой масти. Ряд обычаев и обрядов, связанных с жертвоприношениями и восходящих к языческому прошлому армян, пронеслись через все христианство¹⁶ и в пережиточной форме дошли до наших дней. И ныне практикуется «матах» (Ճատաղ—жертвоприношение животным) и «таплаг» (Պաղլա—жертвоприношение птицей), которые в современной этнографической действительности носят в основном ритуально-бытовой характер. В деревнях и селах, при малых и больших церквях или святилищах-хачах и сейчас можно видеть, как раздают отваренное мясо барана или петуха, и те, кто принимают его, съедают со словами благословения: «да будет принят»— «ընդունելի լինի», «Աստված ընդունելի անի»¹⁷.

Хотя до сих пор не обнаружено каких-либо древнейших изображений бога Арамазда, однако на основании письменных источников вполне допустимо сделать предположение о наличии идолов Арамазда в посвященных ему храмах и капищах. У Мовсеса Хоренаци есть упоминание об изображении громовержца Арамазда и об обряде жертвоприношения, совершаемого перед его святилищем, стоявшим за городом, от которого его отделяла великая река: «Жители имели обыкновение ранс по утрам с кровель своих домов поклоняться тому изображению, возвышенному перед их глазами; желавшие же приносить ему жертву переходили реку и перед храмами совершали заклания»— «Եւ իսկոյն կործանեաց զամպրուպալին պատկերն Արամազդայ, որ կայր մեկուսի ի քաղաքէն, զիսոյն հորի ընդ մէջ անցանելով, զոր սո՞ր էին երկրպագել ալզուն և տանեաց իւրաքանչիւր, զի հանդէպ նոցա երեկէր իսկ լեթն ոք զոհել կամէր»¹⁸.

Этот отрывок как бы воссоздает сцену из обрядовой жизни языческого прошлого.

В эллинистическую эпоху, когда древнеармянские боги в известной мере отождествлялись с олимпийскими, в частности Арамазд—с Зевсом, а иногда и с его римским двойником Юпитером, изготовлялись каменные изображения богов. В 1950 г. на горе Небровд (Немруд) была найдена голова от огромной каменной статуи Зевса-Оромазда

(Арамазда) в хетто-армянском конусообразном головном уборе. Как сообщают источники, этот бюст (и весь пантеон на горе Неброд/Немруд), был установлен в 60-х гг. до н. э.¹⁸ В этом отношении примечательно и свидетельство Мовсеса Хоренаци, о том, что в Армении было четыре Арамазда, один из которых был плешивый (арм. կունդ—«кунд») Арамазд¹⁹: «...Арамазда не существует, но если очень хотят, чтобы Арамазд существовал, то Арамаздов четыре, из которых один—Кунд Арамазд. Также много было именовавшихся Тигранами, но один и единственный—Тигран из наших Хайкидов, который убил Аждахака, отвел в плен дом его, мать Вишапов—Ануиш, и при согласии и помощи Кира захватил в свои руки государство маров и парсов» — «Ոչ Արամազդ ոք, ալ ի կամեցողսն լինի լինել Արամազդ չորից ևս ալլոց անուանեցելոց ոմանց Արամազդ. չորոց մի է և կունդ ոմն Արամազդ: Զարսէս և բազումք անուանեալք Տիգրանն, մի է և միայնակ սա ի Հալիպոզանցս, որ զԱռաջնակ սպանն, և զտունն նորա ի դերութիւնն սարնաք և զԱնուշ մայրն վիշապայ: Ետանդակ՝ կամօք և յօժարութեամբ զԿիրոս ունելով՝ զԻշխանութիւնն Մարաց և Պարսից լինէն լաիշտակեաց»²⁰.

Параллель между Арамаздом и Тиграном проводится, по-видимому, с целью выделить последнего среди других Тигранов, имея в виду того, который убил Аждахака (Астиага) из рода Вишапов (Драконидов). Обстоятельнее об этих событиях рассказывается в легенде о Тигране и Аждахаке²¹, в которой уже мифо-эпическое переплетается с историческим.

В религиозно-мифологических представлениях древних армян отцом (родителем) Арамазда было Время²², т. е. он был рожден Вечностью, как и другие аналогичные божества—отцы богов: греческий Зевс был рожден Кроносом, иранский Ахурамазда—Зерваном и т. д. Армянский Хайк, как отмечалось, сам был олицетворением времени—земного и космического, т. е. Вечности, следовательно, мог быть и отцом Арамазда. Планетой Арамазда, как и урартского Халди, был Юпитер, подобно которому Арамазд имел и атрибуты могущества—гром и молнию (Арамазд так и назывался—ամբրոպալին դից—«громовое божество»), а также радужный пояс—*հրածանն գրտի* (ср. Тиранна—божества радуги).

Функционально-типологический анализ образа Арамазда дает отправные точки для решения проблемы его генезиса. В литературе есть разные мнения, на основе разбора которых в сочетании с материалом из источников мы приходим к выводу, что образ Ара-

мазда—многослойное явление, вобравшее в себя различные образы и культы предшествующих эпох. В нем своеобразно слились модифицированные культы хайасского GUR, урартского Халди и Хайка-прародителя армян. Правомерность и аргументированность такого толкования, думается, подтверждается сочетанием атрибутов указанных трех образов в культе Арамазда. В литературе выявлено, что имя Арамазда увязывается с Ахурамаздой²³—именем верховного бога зороастрийского и ахеменидского пантеонов, означавшем на древнеперсидском «господь премудрый»²⁴. Однако существенные черты армянского Арамазда и иранского Ахурамазды так сильно отличаются, что, на наш взгляд, следует говорить о генетическом родстве теонимов, а не культов. И это вполне естественно, так как армянский и иранские языки генетически и лексически настолько близки, что в одно время даже считали армянский индоиранским языком²⁵.

Несмотря на долгое пребывание Армении в сфере политического и культурного влияния Ахеменидского, а затем и Сасанидского Ирана, дохристианская религиозно-мифологическая система армян развивалась самостоятельно²⁶. Это прежде всего выражалось в том, что иранское воздействие на армян не привело к победе зороастрийского дуализма—резкого противопоставления доброго и злого начал, олицетворенных в образах верховных богов Ахурамазды и Ахримана. Дуализм—свойство всех религиозно-мифологических комплексов, в большинстве которых на определенном этапе развития возникли и дуалистические мифы²⁷, однако основополагающей системой он стал особенно для маздаистской религии древнего Ирана, чем она и отличается от всех религий древности²⁸. Что же касается древнеармянской религиозно-мифологической системы, то в ней существовал культ Арамазда—доброта начала всего мира, а восприятие зла не дошло до обожествления, а осталось на уровне злых духов (*malus spiritus*—*չար ոգիք*)²⁹, широко представленных в армянской этнографической действительности разных эпох вплоть до недавнего прошлого. Таким образом, всестороннее изучение культа верховного бога общearмянского государственного пантеона дает веское основание считать Арамазда выросшим на базе синтеза местных религиозно-мифологических воззрений, обрядов и обычаев, связанных с ними.

Центральное место в древнеармянском пантеоне и особенно в системе языческих культов армян занимает культ верховной богини Анаит—*Անահիտ* (Анахит). Исторические и этнографические данные свидетельствуют о большой популярности этого культа

в широких массах, о его глубоком проникновении в религиозно-обрядовую жизнь народа.

По сведениям историка Агатангехоса, Анаит, которая считалась то дочерью Арамзда, то женой (обе версии одинаково распространены), имела следующие эпитеты: «Великая госпожа», «мать всех добродетелей», «слава нашего народа», «дающая жизнь», «благодетельница», «попечительница», «ею живет и жизнь имеет страна наша Армения». О них мы узнаем из отрывка у Агатангехоса, в которой царь Трдат говорит Григору Лусаворичу (Григорию Просветителю): «Արքայ ասէ՛ Գրտաօգիր, զի ապախտ զվաստակսն զոր ինձն վաստակեցեր, որում ես եմ վկայ: Արդ՝ փոխանակ կենացն զոր պարտ էր առնել բեզ՝ յաճախեմ բեզ նեզութիւն, և փոխանակ պատուին՝ անարդանս. և փոխանակ բարձ տալոյ և յառաջ ձգելոյ՝ բանդ և կապանս, և մահ՝ որ հատանէ զոյս կենաց մարդկան. եթե ոչ աննուցուս յանձն դիցն պաշտօն մատուցանել, մանաւանդ այսմ մեծի Անահայտ տիկնոջս, որ է փառք ազգիս մերոյ և կեցուցիչ, զոր և թագաւորք ամենայն պատուեն, մանաւանդ Յունաց, որ է մայր ամենայն զգաստութեանց, բարերար ամենայն մարդկան բնութեան, և ծնունդ է մեծին արին Արամազդայ», «զմեծն Անահայտ, որով կեայ և զկենդանութիւն կրէ երկիրս Հայոց», «ոգըրոյն հասնալ և զինութիւն դիցն օրնականութեամբ, ... խնամակալութիւն յԱնահայտ տիկնոջ»³⁰:

Атрибуты и функции Анаит весьма многообразны. Она предстает прежде всего как богиня плодородия, плодovitости и деторождения, богиня любви, войны, покровительница садоводства, зерновых культур, скотоводства, т. е. определенным образом перед нами предстает культ великой богини-матери³¹. В этом отношении аналогами Анаит у других древних народов были: Исида у египтян, Иштар у ассирио-вавилонян, Хебат у хеттов, Шавушка у хурритов, Арубаини у урартов, Кибела у фригийцев, Ардвисура Анахита у иранцев, Гера у греков, Юнона у римлян и т. д. Фактически все эти богини являются образами великой богини-матери в различных этнокультурных регионах и религиозно-мифологических системах. Образ богини Анаит ассоциируется с образами вышеуказанных богинь еще и потому, что многие из них также выступают либо как сестра, либо как супруга верховного божества: Исида была и сестрой, и женой Осириса, Гера—матерью и женой Зевса, Ардвисура Анахита—дочерью и женой Ахурамазды. С последней армянскую Анаит очень часто даже отождествляли, опираясь на внешнее сходство имен (Ф. Виндишман, Г. Гельцер, П. Шта-

гельберг, Н. Тагаварян, А. Глтычян и др.), что представляется нам неправильным. Имя авестийской богини состоит из теонима Ард-ви и эпитетов—сура («могучая») и анахита («беспорочная»)³². Возможно, что армянский теоним Анаит/Анахит тоже индоиранского происхождения и так же означает «непорочная, незапятнанная, чистая», однако, во-первых, это окончательно не установлено, а, во-вторых, думается, что с авестийской Ард-ви армянская Анаит скорее близка функционально—обе они являются богинями плодородия и воды³³. О восприятии армянской Анаит как непорочной богини может свидетельствовать одна из ее ипостасей, где она выступает как «мать всех добродетелей». Символами армянской Анаит были белая лилия—незапятнанная, чистая, а также белый диск луны (ср. урартск. Шеларди), символизирующий женское начало в религиозно-мифологических воззрениях древних³⁴.

Другие исследователи (Н. Эмин, Х. Самвелян, М. Абебян) искали генетические связи армянской Анаит с ассирио-вавилонскими аналогичными богинями Анатой и Ануниту³⁵. Гр. Капанцян же считал, что истоки Анаит, как и других богов и богинь общеармянского пантеона, следует искать не в Иране или Месопотамии, а в культово-мифологических системах этнических групп, населявших Армянское нагорье с древнейших времен³⁶. К. В. Мелик-Пашаян, обобщая все предыдущие точки зрения и опираясь в основном на мнение Гр. Капанцяна, пишет, что «Анаит—коренная армянская богиня, культ которой был вполне оформлен еще в стране Хайаса-Азии и оттуда в VII—VI веках до н. э. распространился по всей Армении»³⁷. Нам представляется, что в данном случае подход должен быть таким же, каким он у нас был при рассмотрении культов других древнеармянских божеств: корни Анаит, естественно, уходят в глубь древнейшего, даже можно сказать—первобытного, прошлого, восходя к культам воды, плодородия, плодovitости. Дальнейшие наложения множества других культов и представлений привели к развитию ее образа как великой матери богов, проявлениями которой в интересующем нас ареале были, как не раз отмечалось, супруга хайасского «U-GUR, хетто-хурритские Хебат и Шавушка, урартская Арубаини и, наконец, собирательный образ верховной богини общеармянского пантеона Анаит.

Культ богини Анаит представляет собой синкретическое, многослойное явление, вмещающая в себе целый ряд функций и порожденных ими обрядов, обычаев, праздников. И не случайно, что по всей Армении были распространены храмы и святилища, посвященные этой богине. Наиболее богатый и из-

вестный на всю страну храм, как явствует из источников, был построен в Еризе, в гаваре Екелеац (Аклисена). У Мовсеса Хоренаци сохранилось короткое сведение о том, как воздвигались храмы Арамазда (Зевса), Анаит (Артемиды) и других богов и богинь при Тигране Среднем «Տիրգրանայ Միջնոյ»:

«Առաջին դործ դմենեանն շինել կամեցաւ: Իսկ քրմացն, որ եկեալ էին ի Յունաց, զմտաւ անկալ, զի մի ի խորագոյն Հայս վարդգիս՝ պատճառեցան ըղձութիւնս, իբր թէ զիքն անդէն կամիցին զրնակիւն: Որում հաւանեալ Տիրգրան, կանգնեաց զՈղիմպիական պատկերն Գիտի լամտրն լՍնի, և զԱթենայն ի Քիւ, և զԱրտեմիդ ալ զմիւս պատկերն յերիզայ, և զԵփեսոսն ի Բաղայառինը: — «Первое его дело было построение капиш. Но жрецы, пришедшие из Греции, опасаясь, чтобы их не повели в глубь Армении, стали указывать на предвещание от богов, изъяснявших, будто бы, желание оставаться в том же месте. Тигран соглашается на это и ставит изображение Дия олимпийского в крепости Ани, Афины в Тиле, другое изображение Артемиды в Еризе и Ефеста в Багайариндже»³⁸. У Агатангехоса же есть упоминание о том, как царь Трдат воздал почести богине Анаит в святилище в Еризе, преподнося ей жертвы и даруя ей венки и густые ветви: «Յառաջին ամին Տրդատայ արքայութեանն Հայոց մեծաց, խաղաղին եկին հասին լեկեղեաց գաւառ, ի զիզն Երիզայ, ի մենեանն Կեսարտական, զի անդ զոհս մատուցանեն. և ... իջին օնակեցան առ ափին զետոյն զոր Գալլն կոչեն: Իբրև եկն եմուտ ի խորան անդր և լընթիս բազմեցաւ, և իբրև ընդ զինիս մտին՝ հրամանը ետ թագաւորն Գրիգորի, զի պակս և թաւ ուստս ծառոց նուէրս տարցի բազմին Անտառական պատկերին»³⁹. Сохранилось и описание разрушения этого храма поборниками христианской веры, которые разбили золотую статую богини и превратили в руины храм и его окрестности: «Եւ ուպա լետ այտորիկ անդէն ի սահմանակից գաւառն Եկեղեաց ելանէր: Եւ անդ երեւեալ զիւացն ի մեծ և ի բուն մենեացն Հայոց թագաւորացն, ի սեղիս պաշտամանցն, լմենտական մենեին, լերէզն աւանի. ուր ի նմանութիւն վահանաւոր զորոս ժողովեալ զիւացն մարտնչէին, և մեծագոչ բարբառով զլիրինս հնչեցուցանէին: Որք փախտականք եղեալք, և ընդ փախչելն նոցա կործանեալ բարձրարեւրձ պարիսպքն հարթեցան: Եւ որք զիմեալ հասեալ էին զպատացեալ զօրօքն, սուրբն Գրի-

գոր թագաւորան հանդերձ, փշրէին զոսկի պատկերն Անտառական կանացի զիցն. և ամենեկն զտեղին քանդեալ վատնէին, և զոսկին և զարծաթն աւար տոնալ»⁴⁰.

В Еризском храме совершались самые торжественные культовые действия и церемонии, пышно справлялись праздники, посвященные любимой и широко почитаемой богине. И как отмечали греческие авторы (Страбон, Плиний, Дион Кассий) вся провинция Екелеац называлась также Анаитакан (Անտառական)—Анаитская.

Многочисленные храмы и капища Анаит были воздвигнуты в городах и местностях различных областей Армении. Особенно знаменит был Аштинатский храм в гаваре Тарон области Турубераи. Другой храм богини Анаит находился в известном языческом центре в Армавире, где в эллинистическую эпоху рядом с изображением Анаит помещали и изображения Артемиды и Аполлона, как богов луны и солнца, культы которых процветали в этом древнеармянском городе: «Եւ զտեալ լԱսիայ պղնձածօլ ոսկեգօծ պատկերս զԱրտեմիդեալ և զՀերակլեալ և զԱպոլոնի տալ բերել լաշխարսս մեր, զի կանգնեցն լԱրմաւիր: Զոր առեալ քրմապիտացն, որ էին լաղղեն Վահուենաց՝ զԱպոլոնին և զԱրտեմիդոյն կանգնեցին լԱրմաւիր:» — Арташес ... нашел в Азии литые из меди золоченые изображения Артемиды, Геракла и Аполлона, приказал отправить их в нашу страну и поставить в Армавире. Главные жрецы из рода Вахуни, поставили в Армавире изображения Аполлона и Артемиды⁴¹. Храм Анаит в столице Арташесидоа — Арташате отличался драгоценной утварью и богатством: «Երթեալ Արտաշիսի ի տեղին, ուր խոտենն Երասխ և Մեծածօր, և հաճեալ ընդ ըլլորն՝ շինէ քաղաք լիւր անուն անուանեալ Արտաշատ: Ձեռնտու լինի նմա և Երասխ փախիւք մայրեաց. վառն որոյ անս շխատ և երազ շինեալ՝ կանգնէ ի նմա մենեան, և փոխէ ի նա ի Բագարանէ զպատկերն Արտեմիդեալ և զամենայն կոռոս հայրենիս... նա և զամենայն վալիչութիւն քաղաքին՝ Երուանդայ, զոր տարեալ էր լԱրմաւրայ և զոր անդէն արարեալ նորա՝ փոխէ լԱրտաշատ. և առաւել ևս լինեցնէ յօրինէ իբրև զքաղաք արքայանիւստ: — Арташес отправляется в (Ե) место, где сливается Ерасх с Мецамором. (Здесь) полюбили ему холм, на котором строит город и называет его по своему имени Арташатом. Ерасх его снабжает еознозлм лесом; поэтому скоро и без особенного труда построил

город, сооружает в нем храм и из Багарана переносит туда изображение Артемиды и всех богов своих предков... Также все украшения города Еруандя, перенесенные туда из Армавира, равно и все сделанное последним переводит в Арцахаг⁴². Этот храм был впоследствии низвергнут в числе других храмов Анаит поборниками христианства: ...երթալ Յարտաշատ քաղաք, ասերել անդ գրապինսն Անանտական դիզն, և որ լերադամոյն անդիսն անտանեալ կայր⁴³. На горе Арюц (Յդիւն-Սորիժ гавар) был расположен другой Анаитский центр — Атори Анаитгай (Престол Анаит): «...լնսեմ լերինն ...ի սեղի դիզն՝ գոր կոչնն արտոն նահատար⁴⁴, также находившийся в Тароне-Турубериане. В области Андзевациц (Васпуракан), в местности Дарбидз-кар, а также в Тиринкатаре (Тарон), Багаране — знаменитом языческом культовом центре, в сюникском Анаитадзоре (Անանտաձոր, Անասաց ձոր — Анаитское ущелье) и во многих других местах культ любимой богини был в большом почете⁴⁵.

Данные исторических источников не только дают возможность выявить места почитания, но и свидетельствуют о наличии в храмах и капищах золотых, медных и бронзовых статуй богини. Еще в начале 80-х годов прошлого века в районе г. Саталы, расположенного недалеко от местности, где находился главный храм Анаит, была найдена голова женской бронзовой статуи больших размеров (высота головы 38 см, окружность—93 см), ныне хранящаяся в Британском музее в Лондоне. Специалисты считают (Б. Н. Аракелян и др.), что эта голова принадлежала статуе Артемиды, привезенной с берегов Средиземного моря и установлена в одном из храмов богини Анаит, с которой ее и отождествляли, и именно по этой причине бронзовая голова была названа Г. Алишаном головой Анаит⁴⁶. Храмы этой богини, как правило, были весьма богаты: в их распоряжении имелись как огромные земельные владения и стада, так и изделия из драгоценных камней и металлов—золота, серебра, меди, бронзы.

Изучение обычаев и обрядов, совершавшихся при храмах и святилищах Анаит, дали К. В. Мелик-Пашаяну основание говорить о существовании религиозного гетеризма в древней Армении, отголоски которого в пережиточной форме сохранялись в некоторых историко-этнографических районах до конца XIX в. Это полностью согласуется с положением Ф. Энгельса о том, что разные «народы Передней Азии посылали своих девушек на целые годы в храм Анаитис, где они

должны были предаваться свободной любви со своими избранниками, прежде чем получить право на вступление в брак; подобные обычаи, облаченные в религиозную оболочку, свойственны почти всем азиатским народам, живущим между Средиземным морем и Гангом»⁴⁷.

Армянские историки раннего средневековья или опровергали существование гетерических обрядов и обычаев у древних армян, или же говорили об этом крайне неопределенно. Павлос Бузанд, например, упоминает о древнем эротическом обряде, совершавшемся ночью («...զիցն հնութեան պաշտամունս՝ ի նմանութիւն պոռնկութեան գործոյն ընդ իւսար կատարելին. և ոմանք զնոյն իսկ ցանգութիւն գիշութեան պոռնկութեան կատարելին հանձինս իւրեանց»⁴⁸), но не указывает, с культом какого божества он был связан. Агатаңгехос пишет о том, как Григор Лусаворич, выполняя свою просветительскую миссию, боролся против «омерзительных и ...грубых языческих нравов», направлял соотечественников на путь «истинной божеской мудрости»: «...սիս ցեալ հասանէր թ գաւառն Գերշան, զի և անդ լսոսրացի լնուլ գառաքելական բարոգութեանն զարուեստ սշակութեանն երկովք, և զերծուցանել զնոսա ի գարշելի գիւշական սատանայկիր բարուցն ճիւղադութեանն, զխոժարուժ կողմանսն աշակերտելով, զխոշորոյն և զխեցրեկագոյն բարս հեկանսութեան շրջնի ի զգաստութիւն սատուածուսոց ի մաստութեանն. և ծանօթս անտարանական անտեանցն, լարդարեալս ընդիս կացուցանէր»⁴⁹; Сохранилось также сведение о том, как проповедник новой веры, разрушая храмы и капища Анаит, положил конец «омерзительному празднику осквернения»: «Յալսմաւոր տօնէ ար ամածին Լուսավորիչն մեր արն Գրիգոր լորժամ կործանեաց զիզական պատկերն Անանտալ զկնոջն Արամազդալ. և խափանեաց զգարշելի տօնն ու. Կարգեաց և կանոնեաց լեկիդեցիս Հայաստանեաց: Սըմին աւուր տօնել սրբունլ ամածին: Զի մոտացին զգարշելի տօն պղծութեան. և փառաւորեցի արամալին մարամ. պարծանքն և լոյն Գրիստոնէից. և ալլ մի լիւնցին զաղարիքն և շարաշար զարշուիւնքն իւրեանց»⁵⁰.

Некоторые исследователи (Н. Эмин, Г. Гельцер, А. Глтычан и др.) отрицают наличие религиозного гетеризма у древних армян. Однако пережиточные формы этого явления сохранялись до недавних времен. Вспомним для примера обычаи, приведенный Х. Самвеляном. Вплоть до конца прошлого столетия у жителей провинций Гер и Зареванд (истори-

ческая Армения) существовал такой обычай. Бездетные женщины шли к роднику в церкви св. Степаноса, где вода считалась плодоносной, и оближались там у источника с посторонним мужчиной. Если после этой близости рождался ребенок, то верили, что святой покровитель церкви вылечил женщину от бесплодия⁵¹.

Отголоски религиозного гетеризма прослеживались также в районе Нор-Баязета, где у святыни Тух Манук бездетные женщины шли к священному камню, клали свой пояс на него, а сами проходили через отверстие в камне. После этой церемонии они просили кого-нибудь из мужчин завязать пояс, который выступал как символ женского естества. Описав этот обычай, Е. Лалаян отмечает, что в Тух Манук ходили не только армянки, но и зурчанки⁵².

В Зангезуре и других районах Армении были даже специальные камни, названные «портатар» (*պորտար*), к которым женщины ходили с надеждой исцеления от бесплодия. С культом оплодотворения связаны также многочисленные фаллосы из различных районов Армении (Сюникского, Гегамского—см. экспозиции Государственного музея истории Армении и Государственного музея этнографии Армении).

Археологические материалы также свидетельствуют о распространении религиозного гетеризма у древних армян: при раскопках Анаитского урама в Зеле найдены глиняные диски (диаметром в 50 см), которые, как предполагается, служили платой женщинам—иеродулам храма⁵⁴.

Примечательно, что у грузин тоже наблюдались пережитки религиозного гетеризма: в христианскую эпоху, при царице Тамаре, существовал праздник, посвященный ее сыну Лаше. Праздник этот сопровождался оргиастическими обрядами, напоминающими баканалии, как характеризует их М. Ковалевский⁵⁵.

Таким образом, с Анаит тесно связан культ оплодотворения, плодородия и плодородия вообще. Она выступает также как покровительница садоводства, земледелия, виноделия, зерновых культур, а также скотоводства. О растительных жертвоприношениях богине Анаит ценные сведения дает Агатангехос («*պատարի և թաւ ոտոս ծառոց նոյնքս տարցի բազմին Անահտական պատկերին*»⁵⁶), а в надписях она величается «Косарихой» (*գերանդափոր*), во время Анаитских празднеств ей дарили букеты из хлебных злаков. Другие аналогичные богини тоже являлись покровительницами земли, растительности, урожая: Иштар называлась «Садовницей», культ Артемиды был связан с ивой, Кибела являлась покровительницей растений, Исиды—вино-

градной лозы, зерновых культур и, наконец, Деметра была матерью хлеба⁵⁷.

Култ богини-матери имеет также отношение к кульгам вола, быка, буйвола, коровы; в данном случае богиня выступает покровительницей скотоводства. В окрестностях Ерзнка, где находился храм Анаит, еще в середине XIX в. свободно паслись стада нетелей—белых или с белыми пятнами на лбу⁵⁸. Такие пятнистые нетели приносились в жертву богине во время вардаварских праздников⁵⁹. Согласно рукописи № 2679 Матенадарана, богине Анаит приносились в жертву сизые телки: «*ժրգատ լառաջին ամի ևս նուրս Անահտա Կապտակ Կրինջ Ի զեղն Երրիգա*».

С культом Анаит были связаны также большие народные празднества, как Вардавар, Навасард и др. Вардавар повсеместно отмечался весьма пышно, с обрядами жертвоприношений и посещением священных мест. В литературе установлено (М. Абебян, Гр. Капанцян, К. В. Мелик-Пашаян), что этот праздник по своему содержанию и функциональному назначению был связан с культом воды, плодородия, урожайности и плодovitости, т. е. включал основные существенные аспекты культа богини Анаит. Пережитки этого праздника, отмечавшегося в июле, живучи до наших дней: и сейчас люди обрызгивают друг друга водой⁶⁰, а в древности обливали или обрызгивали и изображенные богини, как во время обряда Нурин, имитируя этим полив посевов и земель. Во время вардаварских празднеств ходили к священным источникам, что впоследствии приняло форму массовых народных гуляний. Эти пережитки, несомненно, являются свидетельством существования глубоких корней культа богини Анаит в обрядовой практике армян.

На основании дошедших до нас письменных сведений можно предположить, что с культом Анаит также связан праздник, совершавшийся в месяце Навасард (совпадавшим примерно с августом—месяцем урожая): «*Եւ շինեալ սրբոյն Կրիգորի Ի տեղոջն լաճմիկ վիպարան, իմեծ և քառասոր եկեղեցի լանոն Ա. Կարապետին Գրիտոսի Յովհաննու Մկրտչին և Աթանազիոսեալ վիպարն: Եւ անդ էջ զնշխարս նոցա... Եւ սանմանեաց ամ լամէ աշխարհածոցով և թագաւորական տօն լինել, որ օր մտա է նազասարդի ամսոյ խա, որ է Աւգոստոս թԱ. և զի լաճմ տուր տոնէին հալք Ի Կրապաշտութեանն Արամազդայ և Անահատ*»⁶¹.

С другой стороны, связывание праздника Навасард с культом верховного бога Арамзда находит подтверждение в том, что Навасард был месяцем, которым начинался Новый год у древних армян. На наш взгляд, связь

Навасардских празднеств с культом двух верховных божеств армянского пантеона объясняется и тем обстоятельством, что в представлении древних Арамазд и Анаит воспринимались как божества-супруги, и культы обоих заключали в себе понятия изобилия и благополучия, начала годового цикла.

Весенний праздник Анаит, как свидетельствует рукопись № 2496 Матенадарана, справлялся в апреле: «... տօնն լին լիսն և լիսն ընդ Ձ(Յ) — նախև (և) ալն, զի սուրբ Գրիգորի զննին, լիսն Անանայան պատկերին տառնին խափանելու էր» и тоже, видимо, с особым величанием и роскошью.

В заключение всего сказанного об Анаит отметим, что в эллинистическую эпоху ее образ отождествлялся с образами Афины — как мудрой богини-покровительницы страны и государства, а также богини справедливой войны, — и Артемиды, культ которой тоже вбирал в себе элементы культа великой матери богов⁶². После же принятия армянами христианства, когда многие языческие храмы были разрушены, а языческие боги предавались забвению со стороны официальной церкви, Анаит в народных представлениях перевоплотилась в образ христианской Марии-богоматери.

2. *Культы главных божеств.* В государственном пантеоне армян выделяются образы богов и богинь, которые по исторической традиции считались дочерьми (Астхик, Нанэ) и сыновьями (Ваагн, Михр, Тир) Арамазда. Сравнительный анализ различных источников и материалов показывает, что культы указанных пяти божеств также были довольно распространены и популярны и имели множество атрибутов. Именно это обстоятельство, а также их важное семантико-функциональное значение дало нам основание характеризовать их культы как главные.

В общеармянском пантеоне Астхик (*Աստիկ*) предстает как богиня любви и красоты, нередко и как символ женской преданности, целомудрия, добродетели⁶⁶. В различные исторические периоды образ Астхик в определенной мере отождествлялся с греческой Афродитой и с римской Венерой. Само имя армянской богини означает «звездочка», под которой подразумевается планета Венера, называемая у армян также Арусеак (*Արսեակ*) — самая яркая и красивая звезда небосвода⁶⁴. В этом отношении Астхик ассоциируется с Астартой (Иштар), тоже обозначающей Венеру⁶⁵. Армянская Астхик/Арусеак была такой же прекрасной, однако не такой своенравной, как греческая Афродита, римская Венера и семитская Астарта/Иштар. Напротив, она считалась символом верной любви, женской преданности, стыдливости.

В Тароне рассказывалась легенда о том, как богиня Астхик часто купалась ночью в реке (Евфрат), протекающей по долине. Место, где она купалась, называлось *Գուրգուր*: гургур — звуки воды, раздававшиеся в узком ущелье (слово «гур» — *գուր* на армянском означает также «корыто», в котором купаются). Молодые храбрцы той местности решили увидеть дивную наготу богини и однажды ночью на горе Дагонац разожгли костер с этой целью. Богиня, догадываясь об этом, чтобы защитить себя, свою красоту от чужих взоров, покрыла всю окрестность туманом (арм. *մուշ* — «муш»), потому и эту долину, а впоследствии и всю область прозвали *մուշ* — Муш (пелся рефрен: *Մշու սարեր մշուշ է, լուր չոզու ու ջուրն անլուշ է*) Как сообщает Г. Срвандзтянц, почти все горы, долины и ущелья в Тароне были так или иначе связаны с образом Астхик⁶⁶.

По сообщениям Агатангехоса, главный храм богини любви и красоты находился в Аштишате и назывался «Комнатой Астхик и Ваагна». «... մեծնն անտաննալ Աստիկան զից, նննակ Վանազնի կարգացնուլ, որ է ըստ հոնականին Ափրոդիտես»⁶⁷. Другой храм, как уже отмечалось, назывался «Домом Арамазда и Астхик». Храмы и капища, посвященные богине Астхик, были построены в Арташате, Артамате и во многих других городах и местностях Армении: *Երևի մէջ Կրեքարձատան զողածն հովտին փորտ, որ լերիցն բլրոցն խոնարհի՜ ինէ սշտարակ բարձրարբըժ փորուածոյ միջոցաւ, և ի վերայ նորա կանգնէ զԱստիկան պատկերն, և մօտ նորա գտնն զանձու պաշտպանութեան կողմն»⁶⁸. В местах почитания Астхик имелись ее статуи и изображения, где она, по всей видимости, действительно представляла прекрасной богиней, так как величалась эпитетами «воскецхи» (*սոկեծի*) — «златорукая» и «вардаматн» (*վարդամատն*) — «с пальцами, подсыбными розе!». В этой связи вспомним, что и у Анаит были аналогичные эпитеты — «воскемаяр» (*սոկեմայր*) — «златоматерь», «воскецхин» (*սոկեծին*) — «златорожденица» и «воскехат» (*սոկեհատ*) — «сделанная из золота»: «...Սոկեմօր Սոկեծին զից և բազինն իսկ լալս անուն անտաննալ Աստիկան Սոկեմօր զից...»⁶⁹. И это не случайно, ибо эти богини генетически были настолько близки, что даже есть мнение, будто образ Астхик возник в результате расщепления синкретического образа великой матери богов.*

Астхик ассоциируется также с астраль-

ными богинями из урартского пантеона—Арди, Цинуарди, Сарди. Это дает нам возможность говорить с глубоких корней астрально-культа в интересующей нас религиозно-мифологической системе. Утверждение М. Абеяна о сирийском происхождении Астхик-Деркетто кажется нам не вполне обоснованным. Он пишет: «Деркетто (Атаргатис)—богиня плодородия и воды. По Луциану, ее храм построен на том месте, где воды потопа стеклись в Подземелье. Ее священные животные в Финикии и Сирии—голубь и рыба... В Иераполе (священный город в Сирии, восточнее Евфрата), дважды в году и на два дня праздника богини со всех сторон стекалась масса паломников, и наибольшая их процессия принесла воды из моря в ее храм и окропляла там. Дважды в году при паломничестве статуя богини уносили к реке или к морю»⁷¹.

Обряд опрыскивания богини из приведенного отрывка очень напоминает вардаварский обряд богини Анаит. Культ Астхик тоже связан с водой, что явствует не только из различного рода этнографического материала, но и из сведений Мовсеса Хоренаци об Астхик—сестре Зруана (Сима), дочери Ноя (Кисутра), рожденной после всемирного потопа⁷². Этот миф выявляет не только связь культа Астхик с водой, но и древнейшие местные истоки ее образа: она сестра Зруана и Япетоса (Иафета) (от которого, по преданию, произошли хайкиды). В честь этой богини во время вардаварских празднеств выпускали голубей (Г. Свандзтянц), что также напоминает сирийскую Деркетто. А обрызгивание друг друга водой связано как с культом Анаит, так и с культом Астхик, тоже богини воды. Во время вардавара в дар богине Астхик приносили розы и поэтому этот праздник считался и праздником роз (ср. эпитет Астхик «вардаматн»). Исследователи, оспаривающие этимологию слова «вардавар» (М. Абеян, Гр. Капанцян, К. В. Мелик-Пашаян), в последнее время все чаще связывают его с водой, а не с розами («вард» — *vard, vdr — «вода», «-арр» — а мить, кропить). Однако нам кажется, что этимология названия праздника в данном случае не меняет ее сущности и вполне возможно, что на празднике воды преподносили розы богине Астхик. Можно связать с ее культом и вишалы—эти рыбообразные символы воды и плодородия, которые, как уже отмечалось, М. Абеян связывал с Астхик-Деркетто.

Итак, рассматривая вопросы культа и происхождения образа Астхик, мы приходим к выводу, что не следует считать Анаит и Астхик первоначально представлявшими одну и ту же богиню плодородия, любви и воды, в дальнейшем ставшими самостоятель-

ными богинями. Исторические аналоги (Астарты, Деркетто/Атаргатис, Иштар, Афродита, Венера и пр.), народные предания и мифы дают нам возможность говорить о древнем самостоятельном существовании прообраза богини Астхик, выявить преемственную связь между отдельными функциями богини Астхик и древнейшей богини воды и орошения Нар, а также связь с урартскими астральными богинями.

Культом другой богини—Нанэ, почитавшейся в качестве богини мудрости, изобретательности, покровительницы искусств и ремесел, хранительницы домашнего очага и символа материнства, пустил наиболее глубокие корни в быту и сознании народа, в такой степени, что предстал как вариант образа великой богини-матери.

Некоторыми своими свойствами она сближалась с греческой Афиной и римской Минервой⁷³ и подобно им считалась покровительницей искусств, ремесел, олицетворяла духовную силу мысли. Однако важнейшие функции этой богини связаны с материнством и домом, ибо она почиталась как олицетворение идеальной жены и матери, находчивой и изобретательной домохозяйки, покровительницы домашних промыслов.

Имя армянской Нанэ Гр. Капанцян не только возводит к общемалоазийскому Нана (Nana/Nipa)—«мать», но и сравнивает ее с другими аналогичными богинями. У ряда народов древней Передней Азии почитались женские божества, близкие по значению культа и по имени к армянской Нанэ. В Шумере, как известно, почиталась древнейшая богиня Инанна (аккадская Наната), в хетто-хурритской религиозно-мифологической системе фигурировали богини-служанки Нинатта и Кулитта, у фригийцев была богиня Нана, возможно, мать умирающего-воскресающего Аттиса. У грузин в числе дохристианских божеств упоминается Нина-да-Нана, у абхазов Нан или Нанду была богиней размножения рода⁷⁴. Почти все из указанных мифологических образов имеют то или иное отношение к материнству, к хозяйке дома, к идее размножения и продолжения рода человеческого.

Эти же качества были свойственны и армянской Нанэ, образ которой и по сей день бытует в народе: во многих армянских диалектах нанэ (нани) нан—*նանի* (*nanhi*) *նանի* и сейчас означает мать (старшая мать) бабушка⁷⁵. По ряду признаков Нанэ может быть отождествлена с символом матери-родины, нашедшей своеобразное отражение в армянском героическом эпосе «Сасна Црер». В народном эпосе фигурирует персонаж—старуха Нани, которую И. А. Орбели считает отголоском богини Нанэ. Образ старухи, протестующей против пленения армянских деву-

ЦЕНТРЫ КУЛЬТОВ ДОХРИСТИАНСКИХ БОЖЕСТВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ АРМЕНИИ

У С Л О В Н Ы Е З Н А К И

■ Аманор и Ванатур	⊕ Мажан	■ Угур
● Анаит	□ Михр	▨ Халди и супруга Арубани (Багмашту)
● Арамзд	◇ Нанэ	○ Шивини и супруга Тушпуеа
◇ Ара-Гехецик	◇ Спандарамет	□ Древнеармянские святилища
▽ Астхик	▲ Супруга Угура (Иштар)	□ Вишапы
● Баршам	▨ Тейшеба и супруга Хуба	✳ Храмы
● Ваагн	△ Тир	✦ Отметки высот
▨ Деметр и Гисанэ	◆ Торк Ангех	

Автор карты Г. Д. Вардунян
Составил Г. Г. Саркисян

шек и продажи невольниц арабскому халифу, своим корнями, по всей вероятности, связан с богиней-покровительницей материнства Нанэ.

Յնանէ, ինի՞ ինձ կանխոհայտ
Պատմի ասաց.— շալա զոք շանիծե՞մ,
Մենք ի՞նչ ներգոթյունով, ի՞նչ տանջանքով
Մեծացողինք մեր ազգիկներ...
Կուրարին Մելիքն է աստի՜ն,
Քառասուն կարգիկ կրկի տանի,
Քառասուն երկն կրկն տանի,
Քառասուն ազալ ազգի՜կ տանի,
Քառասուն ուզոյ բառով ոսկի՜, արծաթ տանի...
Մենք կրօնք իարք տվո՞ղն ենք, ի՞նչ...»⁷⁵

В образе старухи Нани сохранились также черты древней богини-покровительницы пашни и урожая, а также богини-воительницы, ибо она подает идею Давиду, главному герою эпоса, не повиноваться, а выйти в бой с арабским халифом в защиту родины, ее хлебов, ее девушек и женщин⁷⁶.

Поскольку в образе Нанэ, как и в образах Анаит и Астхик, проявляются те или иные черты великой богини-матери, есть основание говорить об их изначальном самостоятельном существовании. Так или иначе божество, олицетворяющее женщину-мать, хранительницу и защитницу домашнего очага и родины, имеет древние истоки и граничит с культом Великой богини-матери. Ведь в народном понимании нани/нан не только мать и бабушка, но и хозяйка дома, старшая женщина в семье, даже глава семьи, особенно большой, патриархальной⁷⁷. В этом случае образ Нанэ ассоциируется с образом греческой Геры, римской Юноны и другими богинями-матронами. Как сообщают Агатангехос и Мовсес Хоренаци, храм Нанэ—Афины находился в селении Тил... (գԱթենայն ի Թիլ)⁷⁸ провинции Даранахеац (Գարանաղեաց—Высокая Армения), и был разрушен впоследствии вместе с храмом богини Анаит, а богатства обоих храмов были переданы христианской церкви: «Եւ անտի ընդ գետն Գալլ լայնորս անցանէին, և քանդէին զնանէական մեհնանն դստերն Արամաղղայ ի Թիլն լաւանի: Եւ զդաննս երկոցոն մեհնանց աւարեալ ժողովեալ ի նոէր սպասուց ստրկ կկեցեցոյն Աստուծոյ թողոյն տեղեօքն հանդերձ»⁷⁹.

В общеармянском государственном пантеоне особое место занимали не только дочери, но и сыновья Арамзда. Среди них выделяется Ваагн (Վահագն—Вахагн), который символизирует отвагу, мужество и храбрость, в этом своем качестве перекликаясь с образом Торка Ангеха.

Первоначально Ваагн почитался как божество, персонифицирующее солнце. «Некоторые почитали солнце, называя его Вааг-

ном»,—пишет Г. Алишан, из чего явствует, что солнце не только олицетворялось в образе Ваагна, но и называлось его именем. Это подтверждается и этнографическими данными: в традиционном свадебном цикле области Вана-Васпуракана долго существовал обычай, связанный с культом солнца. На следующий день после венчания, молодоженов выводили на кровлю дома или на другое возвышенное место, откуда был виден восход, и группа неженатой молодежи пела песню, в которой приветствовала солнце, имя которому Вахэ (Вахагн):

Ե՛գ բարե, այ է՛գ բարե,
Է՛գն արևուն տանք բարե.
Տայ թագաւորին շատ արե,
Վահէ՛, Վահէ՛:

Рассвету привет! Рассвету привет!
Рассвету солнца дадим привет!
Чтоб дало оно царю долгую жизнь.
Вахэ, Вахэ!⁸⁰

То же самое повторяется для «царицы», т. е. невесты, супруги.

Этимология имени Вахагн тоже говорит в пользу связи этого божества с огнем и солнцем: специалисты установили, что «вах»-vah в санскрите означало «нести», «несущий», а «агни» агни—«огонь», «солнце». В индийской и индуистской мифологии Агни—бог огня, домашнего очага, жертвенного костра⁸¹. Слово «агни» в значении «солнце», «огонь» до сих пор сохраняется в армянском языке, употребляясь преимущественно в художественной литературе⁸². Таким образом, Вахагн (Ваагн) означает «огненесущий», «солнцenesущий».

Сущность Ваагна как солнечного божества проявляется и в песне о рождении Ваагна, дошедший до нас с языческих времен. Ее пели в сопровождении бамбирна: «Չալս երգելով ոմանց փանդոամբք, լուսք մերովք իսկ ականջօք», пишет Мовсес Хоренаци.

Երկեր երկին, երկեր երկեր,
Երկեր և ծովն ծիրանի.
Երկն ի ծովուն ունէր և զկարմրիկն եղեգիկ.
Ընդ եղեգան փող ծուխ կանէր,
Ընդ եղեգան փող բոց կանէր,
և ի բոցոյն վաղէր խարտեալ պատանկիկ.
Նա ճոր ճեր ունէր, ապա թէ բոց ունէր մորտա
Եւ աշկունքն էին արեգակունքն.

Небеса и земля были в муках родни,
Морей багрянец был в страданьи родни,
Из воды возник алый тростник,
Из горла его дым возник,
Из того огня младенец возник,
И были его власы из огня,
Была у него брада из огня,
И, как солнце, был прекрасен лик⁸³.

Песня «Рождение Ваагна» сохранилась в передаче Хоренаци, который считал его исторической личностью—сыном царя Тиграна Великого, но приписывал ему и божественные черты: «в песне воспевали борьбу Ваагна с драконами и победу над ними. Все воспеваемое о нем имело большое сходство с подвигами Геракла. Воспевали также его апофеоз; и там, в стране Иверов, была воздвигнута статуя в рост его, которую чествовали жертвами. Вахнуник—суть потомки Ваагна»— «Յնա որոյ և ընդ վիշապաց ատէին լերդին և ոռնել նմա և լաղթել, և կարի իմն նմանագոյնս զհերակլեայ նահատակութիւնս նմա երգէին: Եւ նաև զնա և աստուածացեալ: և անդրի ի Վրաց աշխարհին զորոս չափ հասակին կանգնեալ՝ պատուէին զոհիւք: Եւ սորա են զարմ Վահունիք...»⁸⁴.

Божественность облика Ваагна у Хоренаци подкрепляется еще и сведениями о том, как золоченую статую Ваагна (Геракла) «главные жрецы из рода Вахуни... поставили в Тароне... в собственной их деревне Аштишате»— «Գլահանքն իւրեանց վարկանելով նախնի՝ կանգնեցին ի ծարօն, իւրեանց սեպհական զիւզն լիւշախառն»⁸⁵.

В песне о рождении Ваагна, которую считают одним из древнейших космогонических мифов, очевидно связь этого божества с неомом и землей («в муках рождения находилась Небо и Земля»); с морем-водой («в муках рождения лежало и пурпуровое Море»); с растительным миром («Море разрешилось красненьким Тростником»); с огнем («из горлышка Тростника выходил дым»; «из горлышка Тростника выходило пламя»; «из пламени выходил юноша») и, наконец, с солнцем («у него были огонь-волосы, у него была борода-полымя, и глаза словно два солнышка»), т. е. здесь совершенно очевидна связь солярного культа с землей, небесной и водной стихиями, а также с растительным миром⁸⁶.

Если по существу культа армянский Ваагн ассоциируется с индийским Агни, то по характеру образа он близок к Индре. Некоторые гимны Ригведы характеризуют Индру как воителя, а других же гимнах он выступает как бог-громовик, великий небесный бог, владыка солнца и света. Сохранился миф о борьбе Индры с великим чудовищем—мировым драконом-демоном Вритрой, олицетворением тучи. В честь этой победы Индру величали Вритрахан, т. е. «убийца Вритры». С Индрой-Вритрахан генетически связан и авестийский Веретрагна—в иранской мифологии бог войны и победы, «сокрушитель вражды»⁸⁷.

Армянский Ваагн, воплощающий мужество и силу, тоже был драконоубийцей-вишапо-

борцем; по письменной и фольклорной традиции он предстает как борющийся с помощью грома и молнии против демонов-драконов и побеждающий их, откуда и эпитет «вишапаках»: «Վիշապաքաղն Վահանքն» (Агатангехос). О его борьбе против вишапов мы узнаем из мифа, упомянутого у Хоренаци, и находящего параллели в мифологии многих народов древности: у древних иранцев воспевалась победа божества-героя Тразтаона (Фаридун) над драконом Ажи-Дахакой, у вавилонян известен сюжет боя верховного бога Мардука с богиней тьмы и бездны Тиамат, у греков второй подвиг Геракла произошел в борьбе с черной гидрой и т. д.⁸⁸

Сюжет борющегося героя с хтоническими демонами, духами, змеями и т. п.—один из самых популярных в мифологии и широко распространенных почти у всех народов древности. В армянской исторической традиции, в передаче Хоренаци, сохранилось предание о борьбе Тиграна с Аждахаком (ср. Ажи-Дахака): «Եւ ժողովէ արքայն Հայրց ի սահմանացն նապաղովկացոց, և որչափ ընտիրք Վրաց և Աղուանից, և դամենայն ընտիրք Հայրց Մեծաց և Փոքունց, եւ խաղալ ամենայն զօրութեամբ իւրով զկողմամբք Մեղացոց: Վասնզ արեւեանս հարկ անէ Աժդահակայ՝ պատանել պատերազմաւ հակագինն ոչ փոքր ինչ ամբողջիւ: ...քանզի ի լինել մարտին նիգակաւ օրինակ իմն որպէս զըտր հերձեալ զերկաթի ամուր հանդերձն՝ շամփրէ զԱժդահակ լընդարձակ ակզ նիզակին, և լամփոփել միւսանգամ գձեռնն՝ արտաքս զիւն մասն թոքոցն հանդերձ զինուն ի դուրս բերէ: Բայց մարտն էր սքանչելի. զի քաջք զիպեալ քաջաց՝ ոչ վաղվաղակի թիկունս ի միմեանց դարձուցանէին. վասն որոյ լերկարեալ քարշեր. գործ պատերազմին մինչև ի ժամս ձիգս: Իսկ վախճան գործոյն անէր մասն Աժդահակայ. և արապիսի զիպուածս ի բարեբախտութիւն լաւելեալ՝ փառս լաճախէր ճիգրանայ» — «И собирает царь армянский из пределов Каппадокии, Иверии, земли Ахванов, из Великой и Малой Армении все отборное воинство и со всею своею силою идет на страну мидийскую с Хайкидом войною, (хотя он и был) не с малым числом войска. ...Когда завязался бой, Тигран широким острием копья (своего) рассек крепкую железную броню Аждахака, как воду, и Мар, насквозь пронзенный, очутился на конце копья его. Тут Тигран, отдергивая свою руку, вместе с оружием вынул половину легких Аждахака.—Но бой был изумительный: герои, столкнувшись с героями, не скоро обращали тыл друг перед другом. Поэтому в течение долгих часов продолжалось дело, которому положила конец только смерть Аждахака. Этот случай вместе с

другими счастливыми удачами еще более увеличил славу Тиграна»⁸⁹.

Хоренаци упоминает также об аланской царевне Сатоник, питавшей страстную любовь к драконидам, потомкам Аждахака, живущим у подножья горы Масис (Арарат) — «... և իբր սրբիսնք Սաթնկան ընդ Վիշապազունն՝ ատապիշարար, այս ինքն ընդ գարմու Աղգանկայ, որ անին դամենայն զառ ստորոտին Մասիսը», о сокрушении их могущества армянским царем Арташесом, который истребил их и предал огню поселение — «... մարտ ընդ նոսս և քաղաքունն ինչիսանտութենն, և սպանումն նոցա և հրկիզութիւն շինումն»⁹⁰.

В другом фольклорном жанре—сказках—очень часты сюжеты с мотивом дракона-змея, препятствующего дождю, преградившего течение рек и вод в поля и нивы, и героя, борющегося против него, убивающего змея и спасающего красавицу, принесенную ему в жертву⁹¹.

Бог Ваагн-вишапака в древнем мифе выступает и как бог-защитник родины и благополучия народа, ибо вишапы-драконы воспринимались как враги. В этом отношении образ Ваагна приближается к образам божеств-эпических героев Хайка, Арама, Торка, Ара.

По мнению Б. Аракеляна, в эпитете «вишапака» можно видеть и тотемное происхождение бога Ваагна, поскольку «ках» (քաղ) означает на армянском «горный козел», т. е. Ваагн был зооморфным божеством в виде полукозла-полудракона⁹². Мы уже не раз говорили о божествах-тотемах в древнейших представлениях населения Армянского нагорья. В облике различных зооморфных существ, они были широко представлены в древнем Египте. Известно, что индийского Индру часто изображали в облике быка. В переднеазиатских религиозно-мифологических системах шумерский Эа изображался в виде человека-рыбы, Иштар—с головой коровы, Мардук—с головой ящерицы, Тиамат—в виде четвероногого чудовища с крыльями и др.⁹³. В религиозно-мифологической системе населения Армянского нагорья фигурировали Арцибедни, Иварша, Ангех, вполне возможно, что и Ваагн-вишапака.

Кроме ипостасей Ваагна как солнечное божество, божество-громовержец, тотемное божество и вишпаборец, он предстает и как божество-культурный герой. У Анании Ширакаци сохранилось предание о Млечном пути, о котором издревле рассказывают, «что суровой зимой Ваагн, предок армян, украл солому у Баршама, предка ассирийцев, что у нас, по преданию, и называют следом вора

соломы» — «Եր ի իստ ձմերանք՝ Վահագն նախնի Հայոց՝ գողացաւ զարդ Բարշամայ Ասորեստաննայր նախնոյն. զոր և մեք սովորեցաք ընտելութեամբ՝ Բարդգողի հետ անտանելի»⁹⁴. В этом небольшом предании раскрываются новые черты образа Ваагна, во-первых, как одного из предков армян, т. е. божества-прародителя, во-вторых, здесь он фигурирует как армянский вариант древнегреческого Прометей, с определенными чертами культурного героя (демиурга), несущего тепло людям, своему народу. Крадущий солому в суровую зимнюю пору и роняющий на своем пути мелкие соломинки, из которых и образовался Млечный путь (по арм. Ծիրկաթին, известное в народе как Հարդագողի ճամփա — «дорога соломокрада»), Ваагн приближается к Торку Ангеху и другим божествам-эпическим героям творящим добро для родного народа.

Судя по сообщению Агатангехоса, который приводит слова армянского царя Трдата: «... և քաղութիւն հասցէ ձեզ ի քարն Վահագնէ անենայն Հայոց աշխարհիս»⁹⁵ — «Да одарит вас храбростью мужественный Ваагн», он был не только отважным защитником, но и божеством, дарящим доблесть и силу в борьбе с врагом (ср. с Халди).

Ваагн являлся одним из любимейших богов древних армян, его храмы были богаты золотом и драгоценностями, отличалась роскошью «комната Астхик и Ваагна». С превеликим трудом удалось Григору Лусаворичу и поборникам новой веры разрушить храм Ваагна, называвшийся «Вахевания мехьян» («Վահեղանեան մեհեան»), ибо «язычники» — жрецы героически защищали святилище. Так описывает события Агатангехос: «Եւ իբրև եկեղեցիս ի սահմանն Հայոց՝ լուա քրիզորիս, թե Վահեղանեան մեհեանն մնացեալ է լերկրին Տարսուս, մեհեանն մեծագանն, ի ոսկով և արծաթով և բազում երկրք մեծամեծ թագաւորաց ձուներաւ անդ. ուրիորդ պաշտօն հռչակաւոր, անուանելն Վիշապաբաղն Վահագնի, յաշտից տեղիք թագաւորացն Հայոց Մեծաց, ի սնարս լերկրին քարեայ, ի վերայ գետոյն Եփրատայ, որ հանդէպ հայր մեծի լերկրն Տարսուսի որ և անուանեալ րատ լանախաշատ պաշտաման տեղեացն՝ Յաշտիշատ: Ձի յայնմամ դեռ ևս շէն կային երկք թագիք ի նմա. առաջին՝ մեհեանն Վահեղանեան, երկրորդն՝ Ոսկեմար Ոսկեծին դից... և երրորդ՝ մեհեանն անուանեալ Աստղկան դից, Սենեակ Վահագնի կարգեցեալ, որ է ըստ լուսականին Ափրդիտէս: ...եւ երբ եկին հասն լանդիման մեհեանացն, մտ ի գետն եփրատ՝ կամէր

ճանն զնոս ի վեր, ի բարձրաւանդակ տեղի մե-
հնացն, կործանել զբարգիւսն, և շինել զվայա-
րասս նոցա: ...նւ սինչ գեո շինուած մատրանն
կազմէին ՚համան եւ Կրիգոր զորականին և իշ-
խասացն, որ ընդ իւրն էին, զի ելցեն և մրձօր
ապալուցնն զինուածս բազնացն: Որք ելենալ
շատ շանացան, և ոչ կարացին զգորս բազնաց
դոսանլ՝ թէ ի ներքս մտցնեն, զի ծածկեցին դեքն
ի նոցանն, և ի կողմանէ տրտաբուտ շանոցան,
և ոչ զձեաց սնդ երկաթ գործուին: ...նւ սնիւիք
կոտորեցան մարդիկ պաշտամանն բրմութեան որ
ի տեղոջ սնդ էին, և սնեւտ եղեն ոսկերք նոցա»⁹⁵.

Другой храм Ваагна, как сообщает исто-
риик Говма Арцруни, был расположен на
восточном склоне горы Барага (ооласть Вас-
пуракан), в селении Ахевакан (Ահեվական).
Согласно сведениям того же источника, в
малом Ахоаке также был храм Ваагна,
построенный царем Арташесом II (30—20).
А при Ирдате I (63—68) был воздвигнут
храм Ваагну в местности Салахунеац гава-
ра дерджан.

Огромная каменная голова Ваагна-Ге-
ракла-Ареса был в пантеоне на Коммаген-
ской горе Теоровд.

При храме с и капищах Ваагна органи-
зовывались пышные обрядовые церемонии. С
особым торжеством справлялся праздник,
посвященный Ваагну в середине месяца Сах-
ми (Սահմի)—октября. Кроме того, 27-й день
каждого месяца посвящался Ваагну и носил
его имя. Как богу войны и армянскому ана-
логу Ареса-Марса, ему посвящалась также
планета Марс (арм. Հրատ)⁹⁷.

Сложное сочетание стольких признаков
в образе и культе Ваагна можно интерпре-
тировать как результат длительного оформле-
ния его культа, вобравшего и сконцентриро-
вавшего в себе олицетворение сил и явлений
природы, черты культурного героя и перво-
предка, в чем и состоит сущностная сторо-
на культа Ваагна. Образ его как бы предло-
мился и стал прототипом главного героя ар-
мянского эпоса—богатыря Сасунци Давида,
мужественно и отважно борющегося за доб-
рое и правое дело народа, его свободу и не-
зависимость⁹⁸.

Другим сыном Арамазда был Михр,
культ которого по ряду признаков ассоци-
руется с культом Ваагна, хотя в структур-
но-функциональном плане значительно от
него отличается. Михр—бог небесного света
и солнца, бог, связанный также с почитани-
ем огня, поэтому его представляли симво-
лом земного огня и огня небесного. Его ана-
логи довольно широко были распространены
в древнем мире⁹⁶: Амон (Ра) у египтян, Уту
в Шумере, Шамаш у аккадцев, Шивини у
урартов, Митра у иранцев, Агни и Сурья у

индусов, Гефест и Аполлон у греков, Вулкан
у римлян, Ярило у славян и т. п.

В древней Греции божествами солнца и
огня являлись, как известно, Аполлон, Фе-
лиос, Фебос и Гефест. В Индии солнце олицет-
воряла вереница божеств: Агни—солнце,
огонь, Сурья—солнце, Пушан—солнечный
жар, Савитар (Савитри)—«восстановитель,
оживитель». У древних армян—Тивское све-
тило (Տուրնշեակ լուսատու)—дневной свет,
Арег или Арегакн (Արեգակն)—солнце, урарт-
ский Шивини, Ваагн—солнце и огонь, Михр—
свет небесный и земной (Арег или Арегна-
зан употребляются и как антропонимы, осо-
бенно часто в народных сказках).

Типичным солярным божеством был
Михр (Мхер, Мгер—Միհր, Մհեր). Солярный
культ имел глубокие корни в древнеармян-
ской религиозно-мифологической системе, о
чем мы уже говорили при рассмотрении
культа урартского бога солнца Шивини.
Культе Михра получил особое распростране-
ние в период расцвета так называемого мит-
ранизма—когда культ древнеиранского сол-
нечного бога Митры (Мифры—Միթրա) ши-
роко почитался не только в Парфянской им-
перии, но и в других странах древности (IV
в. до н. э.—III в. н. э.)¹⁰⁰, когда, по выраже-
нию К. В. Тревер, «имя Митра сопутствует
солнечному божеству у народов Малой Азии
и Месопотамии»¹⁰¹. Однако следует учесть,
что митранизм носил всего этический харак-
тер, и Митра в древнеиранской мифологии
фигурировал как «персонаж, связанный с
идеей договора», а затем и как бог солнца¹⁰².
Нам кажется, что и в данном случае речь
может быть об общности происхождения тео-
нимов, а не божеств и тем более культов:
теоним Михр у армян, как и теоним Митра
у индоиранцев, по всей вероятности, восхо-
дят к общей индоевропейской основе¹⁰³.

Надо полагать, что культ Михра у ар-
мян имел древние местные корни, восходящие
к почитанию огня, домашнего очага и солн-
ца. Огонь почитался у армян, как и у дру-
гих народов древности, с незапамятных вре-
мени. Этнографически засвидетельствован-
на скальных изображения на территории Ар-
мени. Этнографически засвидетельствован-
ных данных о культе огня и домашнего оча-
га у армян целое множество: «Азгагракан
андэс» содержит весьма богатый материал об
этом. В некоторых районах Армении, напри-
мер, вместо «погаси огонь» говорили «благос-
лови огонь», так как гасить его считалось
великим грехом—теплом покрывали (Կրակը
սնիլիլի) и если гасили, то не сдувая, а во-
дой, и то только после молитвенных слов¹⁰⁴.
Особые ритуалы и обряды были связаны с
почитанием домашнего очага, очажного (то-
нир—Բոնիր, оджах—օջախ) огня, его оберега-

ния от скверны, поскольку с огнем домашнего очага у армян связывались и понятия дома и семьи¹⁰⁵. В народных преданиях огонь и вода часто представлялись как брат и сестра¹⁰⁶, им приписывались плодородные свойства. Некоторые обычаи общественно-семейного характера, в частности пережитки праздника магического возрождения солнца, дарующего молодоженам плодovitость—«трндез» (*տրնդեզ*) и по сей день бытуют в наряде. Обычай, распространенный среди молодежи, устраивать 14 (или 13) февраля ходов вокруг костра и прыгать через огонь, соответствует древнейшему празднику бога солнца и огня Михра и заключал в себе представления о животворной силе солнца и огня¹⁰⁷. В христианскую эпоху этот праздник был трансформирован в Сретение Господне—Тярнндарач (*Տյարնդարաչ*).

О степени распространенности образа и культа Михра свидетельствуют также название месяца «мехакан» (*մեհական ամիս*), в древнеармянском календаре (*ճանաչոյց*) соответствующем февралю—месяцу Михра (ср. Фебос—Фебруар, февраль). Слово «мехьян» (*մեհյան*)—«капище» тоже является производным от Михра¹⁰⁸. С именем этого бога связано также название ниши в Ванской скале Мхери-дур, считавшейся одним из жертвенников бога Михра. Из множества святилищ, посвященных Михру, известен Багайрический храм (*Մրհապան մեհական անուանեալ որդանն Արամազդայ. Ի գրեզ գոր Բագայրի մեհական*), где была установлена статуя олимпийского бога огня и бога-кузнеца Гефеста (*գեփեստոսն Ի Բագայրի մեհական*)¹⁰⁹. Образ Михра отождествлялся и с образом римского Зулкана.

Михрским считается и Гарнийский храм, воздвигнутый в летней резиденции армянских царей в крепости Гарни; он «возвышается над глубоким ущельем реки Азат, окружен горами и гармонически сливается с пейзажем». Храм привлекает строгими формами и изяществом декоративного убранства. Это «великолепный и высокохудожественный памятник архитектуры», отличительной чертой которого, как и всего древнеармянского искусства вообще, по мнению Б. Н. Аракеляна, «является разнообразие, данное в гармоническом стилистическом единстве»¹¹¹.

Мнения ученых о датировке сооружения Гарнийского комплекса расходятся: одни относят его к I в. н. э. и считают, что храм был построен при Трдате I на месте более раннего святилища бога солнца, разрушенного во время нашествия римского полководца Корбулона в 57—60 гг.; другие полагают, что он был воздвигнут не ранее середины II в. н. э. (А. А. Санян). Так или ина-

че, храм представляет собой периптер греко-римского типа, его архитектурные формы несут отпечаток эллинистического искусства, что было обусловлено исторической ситуацией той эпохи¹¹².

Руины другого святилища бога солнца и огня сохранились под алтарем кафедрального собора в Эчмиадзине, и это представляется нам явлением неслучайным, ибо, по преданию, именно на этом месте возник луч солнца, по которому спустился с небес Иисус Христос—воплощение света и мысли, одним из прототипов которого был Михр/Митра. В средневековых духовных песнях—шараканах—образ Христа отождествлялся с образом божества света, солнечного и духовного творца.

На праздниках в честь бога Михра, по свидетельству Страбона, приносилось в жертву огромное количество жеребцов—по несколько тысяч голов¹¹³. Уже при Ксенофонте обычай жертвоприношения богу Михру настолько укоренился в обрядовой практике народа, что сам автор «Анабасиса» отдал своего коня ст. ршине (комарху) одного армянского села для приношения в жертву солнцу¹¹⁴ (ср. лошадь—символ солнца в изображениях).

Об особой живучести этого древнего культа свидетельствует существование и в средние века ереси огнепоклонников или поклонников солнца Аревордик—*Արեւորդիկ*—«сыны солнца».

Следы культа Михра можно обнаружить и в армянском народном эпосе в образах сасунских богатырей: деда и внука—Мгера Старшего и Мгера Младшего (*Մեծ Մշկը, Փոքր Մշկը*)¹¹⁵. Эпоним Мгер восходит к теониму Михр/Мгер, а сюжетная линия эпоса в ряде случаев совпадает с древними мифами о Михре/Митре: и Мгер Старший, и Мгер Младший совершают множество героических подвигов, сражаясь с темными злыми силами, как Михр боролся с мраком. Можно провести параллель между борьбой Мгера Старшего с черным быком, связанного с дэвами-дьяволами, и борьбой Михра/Митры с мпакком в облике черного быка. С этим перекликается и сражение Старшего Мгера со львом, которого он раздирает на части и полчает прозвище «львоураздиратель»—*առյուծաձու* (ср. Ваагн-вишапаках):

«Մեծը կանչեց — շաղն ու գինին տեր էն նորանինն
կանչեց, մի ձեռք բարեղ էր առյուծի դերի՝ մոտ,
Մուս ձեռք բարեղ ներքի՝ ձեռք.
Ձոնք էր առյուծ մեծանդին,
Արե՛ց էնոր էրկու կտոր
Մեկ որեկը ճամփու էս գին, մեկ էլ՝ էն զի՛,
...Մեծը առյուծ սպանե՛ց
Չուր հիմիկ Մեծը էր,
Հիմիկինն նետ էրազ Առյուծաձու Մեծը»¹¹⁶.

Мгер Младший—сын Давида, тоже ведет неустанную борьбу с темными силами. Его странствия по свету завершаются единоборством с родным отцом, которого он побеждает, не ведая о родстве. За это отец проклинает сына, сбрекая его на бездетность и бессмертие. Мгер Младший уходит в скалу и пребывает там в пещере, пока мир не станет добрее. Некоторые обряды Михра/Митры совершались в пещере, гроте или крипте—темном помещении под храмом, что можно сопоставить с уходом Мгера Младшего в пещеру:

«... էղ քարին Վանա քար կ'ստեն,
Ասաց. սեանգեհեր, իմ թուր զարնեմ էղ քարին,
Թե կտրեց, ես չեմ մեղավորեցիր.
Թե չկտրեց, մեղավորեցիր եմ»:
Թուր որ էզար քար,
Թուր երկու կողմեն փեղկկավ.
Մեքն, իր ձին գեացին մեք,
Քար էկավ, իրար կպավ»¹¹⁷.

Мотив о заключении Мгера Младшего в скалу или пещеру и его предполагаемый выход оттуда кажется нам интересным с нескольких точек зрения. Это напоминает во-первых, ожидаемое явление Иисуса Христа, во-вторых, перекликается с аналогичной сюжетной линией из предания об Арташесе и Артавазде (см. первую главу работы). Там тоже отец проклинает сына, связанного железными цепями, заключенного в пещере, где «две собаки грызут беспрестанно его цепи, и он силится выйти и положить конец миру», «от звука ударов кузнечных молотов снова... оковы укрепляются», поэтому «и в наше время многие из кузнецов, следуя легенде, по воскресеньям ударяют трижды или четырежды молотом о наковальню, чтобы укрепились, как говорят, цепи Артавазда»— «Զրուցեն զամանէ և պատուելք, եթէ արգելեալ կալ լալրի միում, կապեալ երկաթի շղթայիւք. և երկու շուք հանապաղ կրծնուդ զշղթայսն՝ ջանալ ելանել և առնել վախճան աշխարհի. ալ ի ձայնէ կրանահարութեան դարնաց զօրանան, սանն, կապանքն: Վան որոյ և առ մերոյ իսկ ժամանակաւ րազումք ի դարնաց, գնետ երթալով առապելին՝ լաւոր միաշարաթուղ երիցս կամ չորիցս բախն զսան, զի զօրացին, սանն, շղթայքն Արտազգայս»¹¹⁸.

Уход эпического героя или бога в скалу подводит нас к распространенной традиции в разных религиозно-мифологических системах—обитания богов в горах или на горе, в скалах или даже в пещерах, и следовательно, почитание этих мест. Типичный пример культа горы Олимп в Древней Греции С. А. Токарев квалифицирует как «совершенно особую разновидность культа гор», сложив-

шуюся у «земледельческих народов в тех местностях, где урожай зависел от своевременного орошения полей горными паводками»¹¹⁹. Отметим, что к этому прибавлялись и чисто внешние факторы—величавость и неприступность гор, загадочность многих природных явлений, связанных с ними (извержение вулканов, снежные заносы и лавины). Естественно, что такие горы обожествлялись или же связывались с культом того или иного бога, как Арагац (Արագած) и Араилер (Արալի լեռ) с Ара Гехециком, Мхери-дур в Ванской скале, горная местность, Халдиевы ворота (BABU, SESTIEI) как жилище урартских богов и место их сборов¹²⁰. Объектом почитания становились не только скалы и пещеры, но и утесы, бездны, ущелья, возвышенности, как, например, Анаитадзор—ущелье Анаит, Արտավազդի վիհ—Бездна Артавазда на горе Масис, а также горы—Ара-рат, Небровд, Сев-сар (Черная гора), Си-пан-сар, Марута-сар и др.

Возвращаясь к сопоставлению образов Михра, Мгера Младшего и Артавазда заметим, что они явно перекликаются с греческим Прометеем и грузинским Амირани, особенно если учесть и вариант мифа, где Мгер Младший оказывается по велению ангела бога прикованным к скале, и ворон клюет его почки, сорока—дежки:

«Կարեւմ ա մառիցք կորսարում ա, որ.
—Քեզի մահ չըլնի.

Պայց աղնայք քու պլորնիկ ուտի,
Ու կոխն էլ՝ անծեղն էլ քու թոքեր ուտի...»¹²¹

Это еще один штрих к образу сасунского богатыря, явившегося одним из преемников древнего бога Михра.

Отголосками некогда широко распространенного культа бога солнца и огня у армян можно считать и следы почитания светила в концептуальном восприятии жизни. В древнеармянском языке были выражения «арэвэ арканим»—յարեւէ արկանիմ—дословно «бросаю с солнца», т. е. лишаю жизни; или «арэвэ анканим»—յարեւէ անկանիմ—«падаю с солнца», т. е. «умираю». В современном разговорном армянском бытуют выражения «арэвшат» —արեշատ — «долгожизненный», «арэвид мэрнэм»—արևիդ մեռնեմ—«да умру я для твоего солнца», т. е. «ты моя жизнь»¹²². Эти выражения уходят корнями в древнее представление о том, что все живое рождено солнцем и умирает, лишившись его.

Обоготворенное солнце часто принимало значение «правда, праведность, правосудие, осуждение, судья»: Шамаш в аккадской мифологии был богом солнца и правосудия; вавилонский царь Хаммурапи (1792—1750 гг. до н. э.) посвятил свод законов богу солнца; у египтян был миф о наказании людей за их грехи по приказанию бога солнца Ра, кото-

рый, считалось, в наиболее знойное время года распаляется гневом на людей. Митра (Мифра) характеризуется как древнеиранский мифологический персонаж, связанный с идеей договора, а также выступающий как бог солнца, античные источники свидетельствуют о персидском обычае клясться Митре¹²³.

Мовсес Хоренаци приводит письмо иранского шахиншаха Шапуха армянскому царю Тирану (*Տիրան*), в котором шахиншах зовет царя к себе, обещая: «*Եւ քում թագաւորութեանդ ոչ ինչ վնասեցուք, երբեքալ ի Սիր մեր աստուած. միայն իր թա տեսանել զձեզ, զի խորհել ընդ մարթասցուք վան հասարակաց օգտի»*. «мы никаког овреда не нанесем твоему государству: клянусь великим богом Микром, только поспеши повидаться с нами, чтобы можно было нам поразмыслить об общей нашей пользе». Однако вероломный шахиншах ослепляет армянского царя¹²⁴.

У древних армян тоже бог солнца считался, как видим, верховным судьей, божеством правосудия. Об этом свидетельствуют и пережитки концептуального порядка. В современном разрывном армянском бытуют выражения, в которых правда отождествляется с солнцем. «Клянусь солнцем отца (матери) — *Տրրի արև, մորի արև*, или же «солнцем» какого-нибудь другого близкого, любимого или уважаемого родственника. Клянусь могилой умершего: например, «клянусь могилой деда (бабушки) — *«պապիս (տատիս) գերեզման»*. Здесь смерть противопоставляется жизни, символизированной солнцем.

Из изображений Михра-Аполлона-Гелиоса известны коммагенская статуя и описанное Г. Алишаном изображение Михра в головном уборе, борющегося с быком. Рядом с ним мифологический персонаж—Кадж с опущенным и поднятым факелами—символами ночи и дня: «*ալս ամենքն ալ լալտնեն տարևու եղանակներն՝ արեւու շրջանով. գերեզմանու ցերեկը»*¹²⁵.

Все эти данные об образе Михра, отголоски его культа и пережитки древнего миропонимания говорят о величайшем значении культа солнца, огня, домашнего очага в дохристианских религиозно-мифологических и мировоззренческих представлениях армян.

Третий сын Арамазда—Тир (Тири, Тюр—*Տիր, Տիրի, Տյուր*) почитался как бог-покровитель грамоты, наук и искусств, риторики, верховный грамотей, книжник и толкователь снов. Он являет собой армянский аналог египетского Тота, аккадского Набу¹²⁶, греческого Аполлона, римского Меркурия и т. п. Тир часто в источниках фигурирует как гонец и писец Арамазда: «*Տրի դից, դպրի գրտութեան քըր-*

*մաց, անուանեալ ՚իւան գրչի Որմզդի, ուման ճարտարութեան մեհեան»*¹²⁷, соответствуя в этом своем качестве греческому Гермесу—быстроному курьеру и послу Зевса, богу красноречия¹²⁸. Прототипом или предшественником Тира, как гонца и выразителя воли верховного бога Арамазда, его главного жреца, можно считать древнейшего Мажана, выполнявшего те же функции. Если в урартском пантеоне покровительство наук, искусств и ремесел составляло часть культа верховной пары Халди и Арубани, то в общеармянском пантеоне оно было сосредоточено в культе отдельного божества — Тира.

С культом Тира связывалось толкование снов: Агатангелос называет его не только учителем жреческой мудрости, но и снотолкователем, снотолкователем (арм. *Երագ* — «сон»). «*Երագացոյց երագան պաշտման Տրի դից, դպրի գրտութեան քըմաց»*¹²⁹.

Стремление познать тайну сновидения привело к поклонению тем, кто занимался толкованием снов, предсказанием с их помощью будущего. Так возникла жреческая наука снотолкователей и снотолкователей, распространенная у многих культурных народов древности—египтян, хеттов, вавилонян, персов, греков и т. д.

Прорицатель судьбы Тир не только внушал людям сны, но и толковал их в своих храмах, построенных в различных местностях исторической Армении. Особенно знаменит был храм в Еразмуйне (*Երազմույն, Երազմույն*) провинции Востан, где была воздвигнута медная позолоченная статуя Аполлона, ибо храм считался дворцом искусств и наук. В нем хранились различные художественные изделия. Багаранскую статую Тира-Аполлона во II в. до н. э. Арташес I перенес в свою столицу Арташат: «*Ապողոնի պատկերն արտաքոյ քաղաքին կանգնէ հուպ ի ճանապարհին»*.

Образ Тира ассоциируется с образом другого мифологического персонажа—Анушавана Сосанвера, внука Ара Гехецика, «богато одаренного от природы, многоумного в слове и деле». Он фигурирует в армянской мифо-эпической традиции как дух-покровитель священной рощи платанов в Армавире (*Արմավիրի Սուսաց անտառ*), по шелесту листьев которых предсказывал будущее. Само же имя Сосанвер (*Սոսաներ*) означает «дар платана», «шелест листьев этих деревьев и колебание их при тихом или сильном дуновении воздуха составляли, в течение долгого времени, предмет гадания в земле

хайев», — пишет Мовсес Хоренаци («Արայեանն Արայ մեռանի ընդ Շամիրամայ ի պատերազմին, թողոյ արտ դաւակ ամենահարուստ և շատահանճար իր և ի բան՝ զԱնուշաւանն Սոսանտեր: Քանզի ձոնեայ էր ըստ պաշտամանց ի սօսիսն Արամանեկայ որ լԱրմաւիր, զորոց զսաղարթոցն սօսաւին, ըստ հանդարտ և կամ սաստիկ շնչելոյ օդոյն, և թէ ոստի շարժումն՝ սոյո՛րեցան ի հմալս լաշիարհիս Հալկազանց, և այլ զրազում ժամանակս»)՝¹³⁰.

Гадание по шелесту листьев деревьев, а также другие способы прорицания, ясновидения, например, гадание снов по ногтям (К. Костанянц), по письму—«գրրացութիւն» (ср. Тир—писец, грамотей), были, по всей вероятности, элементами культа бога Тира.

В области Сюник находилась местность Третук (*Տրետուք* дословно: Тирский дар)¹³¹, известны названия селений Треа и Тир-арич, *Տրեայ գեօղ*, *Տիր-առիճ գիւղ*, горы Тиринкатар (*Տիրինկատար*—«макушка Тира») и др.¹³² Этому богу была посвящена планета Меркурий.

По предположению В. Блояна, бог Тир являлся также защитником и покровителем осенней пашни у древних армян. Вплоть до начала XX в. в области Вана пахотное орудие называлось *Տրի Խարոր* «Три харор», т. е. «соха Тира», сорт пшеницы — «тир», тягло-вые животные — *տրի եզներ* — «три езнер», т. е. «быки Тира», земледельцы — *տրի մանկալ* — «три мачкал», или же *տիր դնող* — «тир днох» — *տիր ցանող* — «тир цанох», т. е. «сеятель Тира», «пахарь Тира»¹³³.

Месяц этого бога—Трэ, на наш взгляд, назывался так по той причине, что в древнеармянском календаре он соответствовал ноябрю—месяцу, когда обычно велись осенние земледельческие работы. Культ Тира как бога осенней пахоты перекликается с культом Ара Гехецика—бога весенней пахоты у древних армян.

Далекими отголосками культа Тира считаются и такие слова-понятия как тэр—*տէր*—«господь», «господин» (В. Блоян), *տիրար*—*տիրալը*—господин, *տէր տառած*—господь бог *տիրացու*—тирацу—«дьячок» Костанянц Тиракан—*տիրական*—Тирский—так называлась радуга—пояс Арамазда (Б. Саргисян), (ср. Тиранна). Разговорное выражение «да унесет тебя грох»—*գրողը քոյ սանի* тоже связывают с Тиром, поскольку «грох» на армянском означает «писец»¹³⁴. В связи с этим считают Тира и проводником душ умерших в подземное царство или в потусторонний мир (*գրող=հոգեխո*)¹³⁵; здесь его образ сближается с образом урартского бога Хутуини, «который души переводит» (в греческой мифо-

логии перевозчиком мертвых в аиде был Харон¹³⁶).

О живучести Тира в представлениях народа свидетельствует и значительное число антропонимов: Трдат (Тиридат), Тирайр, Тиран, Тирит (*Տիրիթ*), Тиратур (ср. также словообразование *ի տրիտուր* «и тритур»). Сейчас широко употребляются как антропонимы и имена других божеств: Анаит, Ваагн, Астхик, Мгер, Нанэ, Хайк, Арам, Торк, Ара, Нарэ.

Резюмируя вышеизложенное о главных божествах государственного пантеона, отметим прежде всего их ведущее место в религиозно-мифологическом комплексе и в системе верований языческих армян. Соотношение культов указанных пяти божеств проявляется не только в представлениях и поверьях, связанных с их образами, но и в культовых действиях и церемониалах, связанных с ритуальной стороной их почитания. Поэтому эти культы и их пережитки оставили столь глубокий след в народной культуре армян и в их мировоззренческих критериях. Кроме того, «в процессе оформления отдельных этнических общностей» не только создаются «особые формы материального производства (и шире—всей материальной, вещественной культуры)», но и получает «устойчивое распространение и идеологическое оформление быта и бытовых ситуаций в виде обычаев, обрядов, праздников»¹³⁷. Культы божеств Астхик, Нанэ, Ваагна, Михра и Тира, а также Анаит и Арамазда наилучшим образом представляют обрядово-бытовую сторону дохристианской культуры армян, древнеармянского менталитета в целом.

3. *Культы второстепенных божеств.* Известные из источников божества общеармянского пантеона—Аманор, Ванатур, Спандарамет, Деметр, Гисанэ, Баршамин и др.—можно квалифицировать как второстепенные—по месту и роли их в сонме божеств государственного культа и при сравнении с главными богами и богинями.

В литературе образам Аманор и Ванатура уделено немалое внимание и интерпретированы они по-разному, даже порой противоречиво, что объясняется некоторой нечеткостью касающихся их сведений из исторических источников. Упоминание об этих божествах мы находим у Агатангехоса, который говорит, что в день Нового года в селе Багаван (Милаван) Григор Лусаворич назначил празднование памяти Ованнеса Мкртыча (Иоанна Крестителя) и святого мученика Атанангиса, тогда как до этого здесь в этот день проводился языческий праздник в честь подателя фруктов божества Нового года Аманора и гостеприимного бога Ванатура: «Գիտն Սմանորոյ ամենարեւ նոր սպող»

увязано с именем иранской Спандарамат, впоследствии Спента Армайти, Арматай—олицетворением возделанной земли, прародительницей жизни¹⁴⁶. Последняя, как явствует из иранской мифологии, восходит к дозорострийской матери-земле. Армянская Спандарамат/Сандарамет считалась также супругой Арамазда—творца неба и земли¹⁴⁷. Примечательно, что иранская Спандарамат считалась супругой бога неба. По функциональной характеристике можно провести аналогию и с греческой Деметрой—матерью-землей, а также с ее дочерью Персефой, похищенной богом подземелья Аидом (Тартар—арм. *Տարտարոս* Тартарос) и ставшей богиней потустороннего мира¹⁴⁸.

В армянской религиозно-мифологической системе божествами, связанными с потусторонним миром, считались *ՄԵՆԱԳՈՐ*, Ара Гехецк, а также урартский Хутуини—бог земли и подземного царства, женским проявлением которых явилось олицетворение матери-земли богиня Спандарамет (ср. арм. *արմատ*—«армат»—«корень»).

Пожалуй, наибольшую трудность для функционального анализа представляют образы Деметры (*Դեմետր*) и Гисанэ (*Գիսանէ*). Традиционно они характеризуются как братья, родом из Индии, которые от гнева правителя бежали в Армению. Армянский царь Вахаршак жалует им страну Тарон, где они основали город Вишап. После их гибели сыновья воздвигают на горе Карке статуи Деметры и Гисанэ, и эта местность стала считаться вратами ада (ср. Спандарамет—недра земли, ад). Так начинается их почитание в качестве божеств¹⁴⁹.

Возможно, что Деметр и Гисанэ, выступающие в паре, не братья, а супружеская пара или брат и сестра. Основанием для такого предположения служит, во-первых, тот факт, что теоним Деметр восходит к имени древнегреческой богини Деметры; Гисанэ же означает «длинноволосый» (служители его культа отпускали длинные волосы)¹⁵⁰. Во-вторых, аналогичные пары божеств, как явствует из мифологии различных народов мира, предстают как супруги или как брат и сестра.

Ни в дошедших до нас мифах, ни в литературе не указываются функции этих божеств. Факт этот мы объясняем тем, что Деметр и Гисанэ, видимо, выступали как божества-покровители области Тарон, и по включении этой области в состав объединенного государства их культы были включены в общеармянский пантеон.

Единственным божеством, заимствованным у западных семитов, по всей вероятности, был Баршам/Баршамин (*Բարշամին*)¹⁵¹. В специальной арменоведческой литературе функции этого божества в армянском пантеоне

не выяснены. Заимствование культа Баршамина является, очевидно, результатом определенных контактов армян с западносемитским этнокультурным миром, контактов политического и социокультурного характера, приведших к заимствованию и культурных явлений.

Функциональная неопределенность культа Баршамина, как мы думаем, объясняется тем, что будучи включенным в общеармянский пантеон, культ западносемитского божества, владыки неба, бога солнца, вылился в рядовой культ покровителя определенной моноэтнической общности, тем более, что в армянском пантеоне доминировал культ верховного бога неба и земли Арамазда. По сообщению Мовсеса Хоренаци, в селении Тордан провинции Даранахеац в храме, богатом золотом и серебром, было установлено изображение бога Баршамина «из слоновой кости и хрусталя, отделанное в серебро»: «Եւրն ի Միջագետս, և դռնալ անդ զԲարշամինայ զպատկերն, զոր ի փղոսկրէ և ի բիրիդէ կազմեալ էր արծաթով՝ հրամարտ տանել կանգնել լաւանին թորդան»¹⁵².

Впоследствии этот храм был разрушен Григором Лусаворичем, а богатства храма, вместе с селением и окрестными дастакертами (усадебя, имение) были переданы христианской церкви: «Եւ երթալը հասանէր ի Դարանազէաց զաւան, զի և անդ զանուանելոցն զստատառածոցն զրազինսն կործանեցնն, որ էր ի զեօզն թորդան, մեհեան անուանեալ սպիտակափառ զիցն Բարշամինայ. նախ զնա կործանէին, և զպատկերն նորին փշրէին. և զզանձան ամենայն, զոսկրն և զարծաթն, աւար հարկանէին և զան աղքատաց բաժանեալ բաշխէին: Եւ զզեօզն ամենայն զաստակերտօրն հանդերձ և սահմանօրն լանտն եկեղեցւոյն նուիրէին...»¹⁵³.

Резюмируя итоги анализа общеармянского государственного пантеона, можно сделать следующие выводы:

—он был построен на генеалогических связях—почти все божества-компоненты состоят в кровно родственных отношениях друг с другом—такую структуру имеют и некоторые другие пантеоны древности (самым ярким примером может служить когорта олимпийских богов),

—пантеон возглавлял бог-громовержец, отец всех богов, небожитель, творец неба и земли, людей и животных и всего живого—эти характерные черты армянского верховного бога также соответствуют древним традициям образа божества, стоявшего во главе пантеона;

—восприятие зла в религиозно-мифологических представлениях языческих армян,

как и у ряда других народов древности не доросло до уровня обожествления, что отличает дохристианский пантеон армян от древнеиранского;

— в древнеармянском религиозно-мифологическом комплексе особое место занимает культ великой богини—матери всех богов, связанный с идеей размножения рода (народа), плодородия-плодовитости и т. п. и генетически восходящий к аналогичным культам богоматерей древности;

— важное место в культовой системе армян занимало обожествление небесных светил и, особенно, солнца: чертами солнечного божества были наделены в общеармянском пантеоне два бога;

— кроме солнечного культа был развит и лунный культ: с ним был связан культ великой матери богов;

— астральный культ был также развит, с ним был связан культ одной из богинь государственного пантеона армян;

— культы ряда других божеств были связаны с той или иной планетой;

— поклонение земле выражалось как в народно-земледельческих культах, так и в образах богинь плодородия и плодovitости земных недр;

— особое место занимало почитание наук и искусств, что свидетельствует о высоком культурном уровне развития древних армян;

— в особом почитании были также представления, связанные с идеей материнства, домашнего очага;

— верования и воззрения, связанные с культами воды и огня, животных и птиц, различного рода мифических существ и т. п., сопутствовали почти всем культам божеств общеармянского пантеона.

Характеризуя славянское язычество, Б. А. Рыбаков пишет: «Славянское язычество— часть огромного общечеловеческого комплекса... воззрений, верований, обрядов, идущих из глубин тысячелетий и послуживших основой всех позднейших мировых религий»¹⁵⁴. Подобным образом можно охарактеризовать и армянское язычество, как и любую другую религиозно-мифологическую систему древности, пережитки и далекие отголоски которых сохранились вплоть до наших дней.

4. Храмы и жречество. Несмотря на весьма скудные данные о храмах и жречестве в древней Армении, мы имеем некоторую возможность воссоздать более или менее целостную картину мест и служителей культа. Вопросы, связанные с возведением и функционированием храмов, структурой храмового хозяйства и деятельностью жречества, возникают именно при изучении общеармянского пантеона, поскольку возведение храмов в дохристианской Армении приобре-

ло особенно широкие масштабы после образования государства.

А. Г. Периханян, изучая храмовые объединения Малой Азии и Армении, пишет: «Социально-экономическая роль храмовых организаций на Древнем Востоке еще недостаточно изучена. Лучше исследованы храмовые организации и храмовые землевладения древней Месопотамии; это объясняется наличием богатого документального материала, в частности изобилием клинописных документов хозяйственной отчетности. Однако относительная (также и в хронологическом аспекте) изученность храмов Месопотамии несколько не снимает необходимости исследования в этом плане других областей Ближнего Востока, особенно потому, что происхождение, функции храмовых организаций и их значение были далеко не одинаковы в различных районах и в разные периоды. Особый интерес представляют Малая Азия и Армянское нагорье—области, пожалуй, наибольшего распространения храмовых общин, восходящих к древнейшим временам и продолжавших играть весьма важную роль вплоть до первых веков нашей эры»¹⁵⁵.

На основании изучения различного рода источников—хеттских текстов (законов), эпиграфических материалов эллинистическо-римского времени, произведений античных (Геродот, Страбон и др.) и средневековых армянских авторов, а также этнографических данных, А. Г. Периханян приходит к заключению, что «многие храмовые общины в ходе своего развития прошли сложный путь от первичной сельской общины, сконцентрированной вокруг святилища, к сложному классовому политическому организму—равновладельческому полису»¹⁵⁶.

Храмы Малой Азии и Армении А. Г. Периханян разделяет на три структурных типа: 1) храм—теократическая община; 2) храм в городе; 3) храм государственного (т. е. царского) типа¹⁵⁷. Опираясь на сведения исторических источников и литературы (Агатангехос, Мовсес Хоренаци, Павлос Бузанд, Зеноб Глак и др.), можно дополнить классификацию храмовых комплексов в дохристианской Армении¹⁵⁸. В первую группу, как нам кажется, включаются отдельные храмовые хозяйства, расположенные вдали от деревень и городов. Одни из них были местного, другие—регионального или общегосударственного значения. Ко второй группе относятся так называемые храмовые деревни, которые объединяли как обширные земельные владения, так и сельские поселения со значительным числом населения. Третью группу составляют упоминаемые в литературе храмовые города, которые возникали благодаря росту ремесленнических и торговых кварталов вокруг

храмового комплекса, развитию широкой сети торгово-экономических связей и появлению больших транзитных путей сообщения. Именно эти последние храмовые комплексы играли наиболее крупную роль не только в религиозной, но и во всей общественно-экономической жизни древней Армении.

Храмы и храмовое жречество были тесно связаны с государством и носили ярко выраженный классовый характер. В древней Армении они выступали опорой царской власти. Вполне понятно, почему армянские царские дарили храмам не только большие земельные владения, но и значительное число рабов—иеродулов, труд которых широко применялся в храмовых хозяйствах. Само название «иеродул» восходит к «иерой» (іє-роі)—так назывались земледельцы, возделывавшие храмовые участки, т. е. «иеродул»—հիերոդուլ означает «храмовый земледелец»¹⁵⁹.

Храмы, как правило, обладали движимым и недвижимым имуществом, крупными земельными угодьями, использовавшимися для ведения сельскохозяйственно-скотоводческого хозяйства и приносящими большие доходы. Каждый храм, судя по сведениям армянских средневековых источников, был посвящен определенному божеству. Наибольшее число храмов было связано с культурами верховных и главных богов и богинь. Самыми же богатыми, как показывает анализ сравнительных материалов, были храмы, посвященные богине Анаит¹⁶⁰.

Вначале жречество в Армении было, как и в других странах древности, немногочисленно и несамостоятельно: религиозные обряды исполнялись светскими лицами—правителями областей. Известно, что в древнем Египте жрецы действовали от имени фараона, как бы заменяя его особу; в Шумере глава общины был одновременно и вождем, и жрецом: в Хеттской державе сам царь считался священной особой и выступал в роли главного жреца¹⁶¹; в Урарту жрецами храмов назначались обычно родственники или приближенные царя, а верховным жрецом страны являлся сам царь¹⁶².

Еще Страбон, описывая древнеармянскую храмовую общину в Каппадокийской Коммаче, отмечал, что жрецы там обычно принадлежали к царскому роду и представляли второе лицо после царя. Они являлись хозяевами и правителями земельных участков при храмах, распоряжались прибылью от участков, обрабатываемых храмовыми рабами¹⁶³.

В процессе вытеснения жречества как отдельного слоя общества оно уже представляло собой иерархическую организацию, в которой ведущую роль играла верхушка, сос-

тоявшая из родственников или приближенных царской семьи. Уже было отмечено, как Ерванд из Аршакидов, строя город Багаран, назначил верховным жрецом своего брата Ерваза: «Բայց Երտանդալ շինեալ զքաղաքն իւր և փոխեալ անդր զամենայն ինչ լԱրմաւրալ, որոնն ի կողմն, զոր ոչ օրուս իւր համարեալ լիւրն փոխել ի քաղաքն զի մի՛ ի գալ և ի գոնել անդ աշխարհի՛ ոչ զդուրթեամբ պահնացի քաղաքն. այլ հետագոնն ի նմանէ իբր քառասուն ասպարիտաւ զհրէսիտով՝ նման իւրոյ քաղաքին շինեաց քաղաք փոքր ի վերայ դետոնն Ալուարենայ, և անուանեաց Բագարան. այս ինքն թէ ի նմա գրազնաց յորինեալ է զպատմութիւն. և փոխեաց անդր զամենայն զկուսան որ լինումալիւր: Եւ մեհեանս շինեալ զեղրալիւր իւր զԵրտաղ քրմապետ կացուցանէր»: «Ерванд, построив свой город, переносит туда из Армавира все, кроме кумиров, которых не счел он удобным для себя переместить в свой город, ибо он опасался, что, когда мир придать будет туда для жертвоприношения, невозможно будет охранять город с надлежащей осторожностью. И потому на расстоянии сорока стадий на севере строит небольшой городок на подобие своего города по реке Ахуриан, назвав его Багараном, что значит «в нем построены жертвенники», и перенес туда всех кумиров, бывших в Армавире. И построив храмы, поставил он брата своего, Ерваза, главным жрецом»¹⁶⁴. Этот отрывок представляет собой эпизод из истории сооружения языческих святилищ в Армении.

Установлено, что сам Тигран Великий выполнял обязанности верховного жреца в одном из Анаитских храмов¹⁶⁵. Трдат I (63—88 гг.) тоже являлся жрецом. Главным жрецом храма Арамазла в Ани был Мажан—царский брат. Часто жрец-правитель становился нахараром или же целый нахарарский род считался служителем культа того или иного бога (богини). Служением богу Ваагну, например, занимался особый жреческо-нахарарский род, которые считались потомками Ваагна: «...ն սորա կն զարմր Վահանիք»¹⁶⁶.

И храм (арм. տաճար — «тачар», капище—մեհեան — «мехеан» или բաղին «багин») и его служители — жрецы (арм. քուրմ — «курм») и жрицы (քրմուհի — «крму») находилась под покровительством государства.

Сосредоточенное в руках жречества руководство всей культовой жизнью страны необычайно повышало его авторитет в государстве и в широких слоях народа. Культурные функции армянского жречества были весьма разнообразны¹⁶⁷. Все наиболее значительные праздники общегосударственного

характера или же связанные с культурами тех или иных божеств пантеона совершались под руководством жрецов, при скоплении огромного числа населения из окрестных и отдаленных городов и сел. Это обстоятельство укрепляло также социально-экономический потенциал храмов и храмового жречества в стране. Традиционность и периодичность организации таких празднеств превращали окрестности храмовых комплексов не только в места паломничества, но и в крупные ярмарки, центры торгово-обменных сношений, стимулировали развитие путей сообщения, организации на местах различных ремесленных производств, способствовавших появлению постоянных торгово-ремесленных кварталов вокруг храмового комплекса.

Храмовое жречество разработало уходящую корнями в глубь веков систему религиозно-мифологических представлений, связанных с общегосударственными культурами, установило генеалогию божеств армянского пантеона как выражение единства и родства всех регионов и этнических групп объединенного государства.

Жречество в дохристианской Армении оказывало большое воздействие на все стороны духовной жизни, на развитие искусства, научных знаний и литературы. Будучи институтами и атрибутами классового общества с ярко выраженной властвующей сущностью, храмы и жречество являлись очагами культуры, господствовали в области идеологии в древнеармянском государстве.